

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-2162

№42(221)
часть 3

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

Г. МОСКВА

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 42 (221)
Декабрь 2022 г.

Часть 3

Издается с февраля 2017 года

Москва
2022

УДК 08
ББК 94
С88

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Арестова Инесса Юрьевна – канд. биол. наук, доц. кафедры биоэкологии и химии факультета естественнонаучного образования ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Россия, г. Чебоксары;

Ахмеднабиев Расул Магомедович – канд. техн. наук, доц. кафедры строительных материалов Полтавского инженерно-строительного института, Украина, г. Полтава;

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;

Волков Владимир Петрович – канд. мед. наук, рецензент АНС «СибАК»;

Елисеев Дмитрий Викторович – канд. техн. наук, доцент, начальник методологического отдела ООО "Лаборатория институционального проектного инжиниринга";

Комарова Оксана Викторовна – канд. экон. наук, доц. доц. кафедры политической экономии ФГБОУ ВО "Уральский государственный экономический университет", Россия, г. Екатеринбург;

Лебедева Надежда Анатольевна – д-р филос. наук, проф. Международной кадровой академии, чл. Евразийской Академии Телевидения и Радио, Украина, г. Киев;

Маршалов Олег Викторович – канд. техн. наук, начальник учебного отдела филиала ФГАОУ ВО "Южно-Уральский государственный университет" (НИУ), Россия, г. Златоуст;

Орехова Татьяна Федоровна – д-р пед. наук, проф. ВАК, зав. Кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Россия, г. Магнитогорск;

Самойленко Ирина Сергеевна – канд. экон. наук, доц. кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна Российского Экономического Университета им. Г.В. Плеханова, Россия, г. Москва;

Сафонов Максим Анатольевич – д-р биол. наук, доц., зав. кафедрой общей биологии, экологии и методики обучения биологии ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный педагогический университет", Россия, г. Оренбург;

С88 Студенческий форум: научный журнал. – № 42 (221). Часть 3. М., Изд. «МЦНО», 2022. – 60 с. – Электрон. версия. печ. публ. – <https://nauchforum.ru/journal/stud/42>.

Электронный научный журнал «Студенческий форум» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной науки.

Данное издание будет полезно магистрам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной науки.

ISSN 2542-2162

ББК 94
© «МЦНО», 2022 г.

Оглавление

Рубрика «Юриспруденция»	5
ПРИМЕНЕНИЕ УНИКАЛЬНОГО ИДЕНТИФИКАТОРА (ИНН) В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ Алиев Магомед Алиевич Алиев Шамиль Алиевич Чунихин Александр Павлович Исаенков Александр Андреевич	5
УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ Башкова Полина Вадимовна Антонова Ольга Александровна	7
КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ НАРУШЕНИИ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ Бурлай Галина Евгеньевна Бенина Светлана Васильевна	9
ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА РУБЕЖОМ Гореткин Семён Александрович Сидорчук Федор Александрович Ермолаева Тамара Александровна	11
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА КРИПТОВАЛЮТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ Духоменко Вероника Валерьевна Антонова Ольга Александровна	14
О ПРОБЛЕМАХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ Зубрицкая Виолетта Сергеевна Насибова Айтен Сохраб кзы	17
БАНДИТИЗМ И ВООРУЖЕННЫЙ РАЗБОЙ, СОВЕРШЕННЫЙ ГРУППОЙ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ Иванов Артур Евгеньевич Лопатина Татьяна Михайловна	20
КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ Козлова Вероника Андреевна Маштаков Игорь Владимирович	24
ПРОБЛЕМА ОБРАТНОЙ ОТСЫЛКИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ Кюльбяков Георгий Русланович Эльдаров Салимсолтан Арсенович Ермолаева Тамара Александровна	26
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ Лопутнев Илья Андреевич	30
ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФОРМ И ВИДОВ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И В УК РФ Лопутнев Илья Андреевич	33

ВЫЧЛЕНЕНИЕ ПОСТАВКИ ИЗ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ Парыгин Владислав Андреевич Резина Наталья Анатольевна	36
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД Парыгин Владислав Андреевич Резина Наталья Анатольевна	38
РОЛЬ СУДА В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ Реутов Кирилл Олегович	40
ПРОБЛЕМЫ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ДИСТАНЦИОННОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ Ручушкина Екатерина Денисовна	42
ОБМЕН И ВОЗВРАТ ТОВАРОВ, ПРИОБРЕТЕННЫХ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ Ручушкина Екатерина Денисовна	44
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОЙ ТОРГОВЛИ Ручушкина Екатерина Денисовна	46
ПРАКТИКА УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В РОССИИ И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ Тилимова Наталья Алексеевна	48
ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ Шевцова Екатерина Дмитриевна	53
МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТНИКА ЗА УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ РАБОТОДАТЕЛЮ, В УСЛОВИЯХ КОНЦЕПЦИИ «ИНДУСТРИЯ 4.0»: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ Яковлева Татьяна Юрьевна	56

РУБРИКА**«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»****ПРИМЕНЕНИЕ УНИКАЛЬНОГО ИДЕНТИФИКАТОРА (ИНН)
В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ****Алиев Магомед Алиевич**

студент,
Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Алиев Шамиль Алиевич

студент,
Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Чунихин Александр Павлович

студент,
Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Исаенков Александр Андреевич

научный руководитель,
Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Основной закон Российской Федерации определяет, что каждому гражданину гарантируется судебная защита его прав и свобод. В свою очередь, ст. 134 Гражданского процессуального кодекса РФ [1] регламентирует основания отказа судом в принятии искового заявления. Данное положение в ГПК РФ является обыденным, оно также перекликается с законом РСФСР 1964 г. Цель введения данного основания обуславливает установление в законе исчерпывающего перечня случаев ограничения права на судебную защиту. Не сомневаясь можно сказать о том, что данный институт предпосылок права на предъявление иска имеет весомую значимость. Однако на практике и в нормативно-правовом регулировании существуют весомые недостатки и пробелы. В 2020 году произошли изменения в отдельных частях гражданского процессуального законодательства. ГПК РФ закрепил, что в исковом заявлении необходимо указывать любой из идентификаторов граждан-ответчиков, к примеру: ИНН, СНИЛС и т.д. Однако Государственной Думой РФ 14 декабря 2021 года были приняты законодательные документы [2], в котором говорится, что, если истец не знает дату и место рождения ответчика, один из идентификаторов его (СНИЛС, ИНН, серию и номер паспорта или водительского удостоверения), об этом указывается в заявлении, то такая информация будет запрашиваться судом в рамках информационной системы межведомственного взаимодействия от органов, которые располагают соответствующими сведениями. В этом случае срок принятия искового заявления и судебного приказа к производству исчисляется со дня получения судом этих сведений.

Почему же законодатель уделил особое внимание именно ИНН в качестве идентификатора, а не другим? Ведь, ИНН не относится к персональным данным и номер налогоплательщика не находятся под защитой целой серий законов: Трудового кодекса РФ, Налогового кодекса РФ, ФЗ «О персональных данных» и т.д. Возникают все возможные трудности в

получении различными органами, не только ФССП, номера идентификаторов. Другим обоснованием является то, что указание ИНН повлияет, а самое главное упростит работу судебных приставов. Поиск должников упростится, а самое главное станет доступным и больше не будут всплывать истории, когда взыскивают денежные средства со сторонних лиц, т.е. произойдет минимизация рисков с ошибочной идентификацией.

Однако практики, которые специализируются по гражданским делам, имеют обратное мнение о данном нововведении. После того как приняли исковое заявление к производству, заявители гражданского судопроизводства могут заявить заявление об истребовании информации. К примеру, граждане, обращающиеся для защиты, могут указать в качестве ИНН рандомные цифры, ссылаясь на простую невнимательность или ошибку, а после воспользоваться вышеуказанным правом, так как это не наказуемо. Также, если лицо указывает недостоверные данные, рождается обоснованный риск, который может проявиться в том, что суд перенесет в исполнительный документ, когда будет оформлять его, неверные сведения, в том числе и ИНН. И тогда пристав выносит постановление об отказе в возбуждении исполнительного производства, так как присутствуют явные нестыковки: идентификатор должника не совпадает с его наименованием. Процедуры исправления опечаток в исполнительных документах законодательством не предусмотрена. Для решения проблемы, которая проявляется в истребовании номера налогоплательщика, органам ФНС, ФМС совместными усилиями желательно было бы разработать специальный сервис, который предоставлял бы такую возможность. Можно с уверенностью говорить о целесообразности данного нововведения, которое вступит в законную силу с 20 июня 2022 года, оно не только облегчит процедуру истца, а также положительным образом скажется на работе судебных приставах, к примеру: избегание обращений взысканий на доходы граждан, чьи ФИО совпали с данными должника. Исходя из сказанного, приходим к выводу о том, что данное изменение ГПК РФ позволит упростить отслеживание ответчика судебными приставами, а также уменьшится вероятность того, что долг по исполнительному производству – будет направлен именно на конкретное лицо. Однако, проблема данного новаторства, по нашему мнению, выражается в том, что, когда истец, все же знал ИНН предполагаемого нарушителя субъективного права или законного интереса истца, будучи уверенным в нем, но переписав неправильно, даже не подозревая об этом, суд в свою очередь, может не надлежащим образом перепроверить его подлинность. Да, если это обнаружится, то суд может сослаться на ст. 136 ГПК РФ «Оставление искового заявления без движения». Однако, с помощью ИНН можно решить данную проблему в виде рассмотрения вопроса не о запросах судом идентификаторов, если истцу ничего не известно об ответчике, а создать «облачную единую базу данных» идентификационных номеров налогоплательщиков с ограниченным доступом только для суда. Таким образом, сократится время на проверку лиц, а также не нужно будет запрашивать необходимую информацию в юрисдикционных органах.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46. – ст. 4532.
2. Федеральный закон от 21.12.2021 № 417-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Принят Государственной Думой 14 декабря 2021 года; Одобрен Советом Федерации 15 декабря 2021 года // Вступит в силу с 20.06.2022 г.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ

Башкова Полина Вадимовна

студент,

Белорусский государственный экономический университет,
Республика Беларусь, г. Минск

Антонова Ольга Александровна

научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент,

Белорусский государственный экономический университет,
Республика Беларусь, г. Минск

Осуществление прокурорского надзора подразумевает обеспечение точного и единообразного соблюдения и исполнение актов законодательства во всех сферах жизни. Данная деятельность прокуроров выступает гарантией защиты прав и свобод граждан, законных интересов юридических лиц, общества и государства.

Одним из способов реализации такой защиты выступают полномочия прокурора в хозяйственном процессе. В хозяйственном судопроизводстве прокуроры обладают двумя направлениями деятельности по обеспечению вышеуказанных целей – это надзорная деятельность и непосредственное участие прокурора в рассмотрении экономического дела. Надзорная деятельность в хозяйственном процессе в соответствии со ст. 32 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-3 «О прокуратуре» (далее – Закон «О прокуратуре») проявляется в соответствии закону решений, определений и постановлений судов (судей) по делам, связанным с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также в соблюдении законодательства при их исполнении. В свою очередь ст. 4 Закона «О прокуратуре» закрепляет, что прокурор вправе принимать участие в рассмотрении судами дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, в соответствии с Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь [1]. В связи с этим участие прокурора в хозяйственном процессе регламентируется Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-3 (далее – ХПК).

В отличие от гражданского судопроизводства в хозяйственном судопроизводстве ст. 66 ХПК регламентирует, что прокурору предоставлена одна форма участия в процессе – при установлении нарушений законодательства в пределах своей компетенции предъявлять в суд, рассматривающий экономические дела иск (заявление) в целях защиты государственных и общественных интересов, а также вправе подать иск (заявление) в целях защиты интересов юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и других лиц с их согласия [2].

При этом для подачи иска (заявления) без согласия представляемой стороны, должны сочетаться два условия: первое – данные действия направлены на защиту государственных и общественных интересов; второе – наличие определенных категорий дел. К таким категориям ч. 1 ст. 66 ХПК относит следующие дела:

- об оспаривании ненормативных правовых актов государственных органов, органов местного управления и самоуправления, иных органов или должностных лиц, которыми затрагиваются права и законные интересы юридических лиц и граждан в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности;
- о признании недействительными сделок [2].

На этом полномочия прокурора в ненадзорной деятельности в хозяйственном процессе заканчиваются. Хотя на практике могут возникнуть ситуации, при которых участие прокурора было бы необходимо, но механизмов для этого нет. В экономических спорах между субъектами хозяйствования уже в процессе может возникнуть интерес государства [3, с. 355]. Но в таких случаях прокурор не имеет возможности вступить в уже начатый процесс для защиты интересов общества и государства. В то время как схожее гражданское

судопроизводство в ч. 2 ст. 81 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-3 (далее – ГПК) закрепляет возможность прокурора вступить в дело на любой его стадии, если этого требуют интересы государства, а также с целью защиты прав и охраняемых законом интересов граждан [4].

На основании вышеизложенного, считаю необходимым закрепить процессуальное полномочие прокурора в хозяйственном процессе на право вступить в судебное разбирательство на любой стадии. А также наделить прокурора всеми процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле и установить основания вступления прокурора в такие дела.

Внесение таких изменений являются актуальным решением, так как на данный момент в процессе рассмотрения находится проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь. Этот акт должен стать результатом унификации норм гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства, а сближение двух действующих процессуальных регламентов позволит минимизировать риски возможных пробелов, расхождений, коллизий в регулировании процедуры по гражданским и экономическим делам. И, на данный момент, ч. 4 ст. 71 проекта Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь предусматривает возможность прокурора вступить в начатый процесс в целях защиты государственных и общественных интересов, а также прав, свобод и законных интересов граждан для общего гражданского судопроизводства [5]

Список литературы:

1. О прокуратуре: Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г. № 220-3: с изм. и доп. от 19 мая 2022 г. № 171-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 15 дек. 1998 г. № 219-3: в ред. от 27 мая 2021 г. № 113-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Песенко, С.В. Прокурор на защите экономических интересов государства в хозяйственном процессе / С.В. Песенко // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы VI Международной научно-практической конференции, Минск, 17-18 мая 2012 г. / [редкол.: В.Н. Шимов (отв. ред.) и др.] ; М-во образования Респ. Беларусь, УО «Белорусский гос. экон. ун-т». – Минск: БГЭУ, 2012. – Т. 2. – С. 355-356.
4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 11 янв. 1999 г. № 238-3: в ред. от 27 мая 2021 г. № 113-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. Проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [\https://forumpravo.by/files/Projekt_KGS_Verhovnij_synd_04.03.2022.pdf](https://forumpravo.by/files/Projekt_KGS_Verhovnij_synd_04.03.2022.pdf). – Дата доступа: 04.12.2022.

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ НАРУШЕНИИ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

Бурлай Галина Евгеньевна

студент,

*Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
РФ, г. Москва*

Бенина Светлана Васильевна

научный руководитель,

*Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
РФ, г. Москва*

Как известно, основанием для возмещения морального вреда являются действия, нарушающие личные неимущественные права либо посягающие на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага (ст. 151, п. 1 ст. 1099 ГК РФ). Закон выделяет несколько случаев, при которых возможна компенсация. Речь идет о положениях ст. 1123 ГК РФ, ст. 38 Закона от 13.03.2006 №38-ФЗ, ст. 17 Закона от 27.07.2006 №152-ФЗ, ст. 17 Закона от 27.07.2006 №149-ФЗ, ст. 6 Закона от 24.11.1996 №132-ФЗ, ст. 15 Закона от 07.02.1992 №2300-1, п. 2 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ №4 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018, ч. 5 ст. 17 Закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ.

Ответственность за причинение морального вреда возлагается на лицо, причинившее такой вред. Доказать отсутствие вины в причинении вреда обязан причинитель вреда, как было разъяснено в п. 4 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ №4 (2016), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016.

Особенностью является то, что истец может требовать компенсации морального вреда в любом размере. Однако при определении размера компенсации суд принимает во внимание степень вины нарушителя, учитывает характер физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями потерпевшего, а также требования разумности и справедливости (п. 2 ст. 1101 ГК РФ). Судебная практика по взысканию компенсации представляется автору неоднородной. Так, Апелляционным определением Воронежского областного суда от 12.03.2020 по делу №33-1212/2020 судебной коллегией была взыскана компенсация морального вреда в пользу истицы в размере 5 000, 00 рублей. Суть спора заключалась в защите персональных данных истицы, которые ответчик (сайт СМИ) распространил в сети Интернет вместе с негативными отзывами без согласия истицы на это. Суд признал такое распространение незаконным, а кроме того признал такое распространение данных вторжением в частную жизнь истицы с опорой на судебное постановление Верховного Суда, вынесенное ранее по этому же делу с целью пересмотра судебных актов (Определение Верховного Суда РФ от 12.11.2019 по делу №14-КГ19-15).

В таком случае, определение размера компенсации морального вреда в сумме 5 000, 00 рублей представляется автору не соответствующим степени вины нарушителя. Автор статьи согласен с мнением ведущего ученого Потапенко С.В. о том, что право на жизнь и право на здоровье можно рассматривать как объект личных неимущественных прав.

В этом свете, в сравнении с вышеуказанным судебным кейсом, представляется интересным Решение Первомайского районного суда г. Краснодара, которым в пользу Томенко И. была взыскана компенсация морального вреда в размере 5 000 000, 00 рублей.

Суть спора заключалась в медицинской ошибке. Пациент Томенко И. перенес удаление аппендикса, но после гистологического исследования врачи сообщили пациенту, что у него

обнаружили рак. Юношу отправили на лечение в онкологическое отделение, но позже выяснилось, что операцию юноше сделали по врачебной ошибке, а рак был обнаружен на самом деле у лица женского пола.

Позже, на стадии апелляционного обжалования медицинским учреждением, судебная коллегия снизила компенсацию до 950 000, 00 рублей (Определение Краснодарского краевого суда от 07.10.2021 по делу № 33-33227/2021). Таким образом, следует констатировать, что единообразной практики о возможности компенсации морального вреда в настоящее время не сложилось, не выработаны критерии, позволяющие оценить степень моральных и нравственных страданий, а также позволяющих определить размеры компенсируемого вреда.

Конечно, нематериальные блага требуют повышенной защиты со стороны правопорядка в силу их особенной ценности для граждан и затруднительности их самостоятельной защиты без обращения к органам публичности власти. В этой связи правопорядок должен стремиться обеспечить гражданину, пострадавшему от нарушения личных прав, всякую разумную помощь, одним из элементов которой могла бы являться отмена необходимости досудебного урегулирования спора.

Многообразие нематериальных благ объясняет то, почему в классических частноправовых кодификациях принцип охраны личных прав формулируется наиболее общим образом: ни один законодатель не в состоянии исчерпывающим образом перечислить все объекты личных прав. По всей видимости, этот подход получит развитие и в российском законодательстве и приведет к формированию единого субъективного личного права как «материнского права».

Хотя сегодня в мире и не сложились универсальные, единые подходы к регламентации осуществления и защиты личных прав, все цивилизованные порядки исходят из признания фундаментального принципа примата прав человека. Обеспечение в том или ином государстве надлежащего уровня гражданско-правовой охраны нематериальных благ является своеобразным «индикатором» демократичности этого правопорядка, а также соответствия его требованиям правового государства. Представляется, что российское государство также должно оставаться в русле общемировых течений в сфере регламентации личных прав и следовать лучшим практикам защиты нематериальных благ человека.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 №1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. №3;
4. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 12.03.2020 по делу №33-1212/2020;
5. Определение Краснодарского краевого суда от 07.10.2021 по делу № 33-33227/2021;
6. Потапенко С.В. Личные права на жизнь и здоровье // Кубанское агентство судебной информации, Юридический сетевой электронный научный журнал. 2019. № 2 (9);
7. Карнер Э. Права человека и защита прав личности в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. №4;
8. Флейшиц Е.А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вестник гражданского права. 2009. Т. 9. №2.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА РУБЕЖОМ

Гореткин Семён Александрович

студент,
ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Сидорчук Федор Александрович

студент,
ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Ермолаева Тамара Александровна

научный руководитель, канд. юрид. наук,
доцент кафедры международного права,
ФГБОУ Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Вне территории Российской Федерации располагается огромное количество имущества, которое входит в состав государственной собственности РФ. Правомочия РФ касательно владения, пользования и распоряжения государственной собственностью отражены в статье 212 ГК РФ. Согласно вышеупомянутой статье Россия признается основным собственником федерального имущества, которое включает в себя также и зарубежное. Однако Конституция РФ разграничивает формы собственности на государственную, муниципальную и частную [1, ст. 8]. Государственная собственность, в свою очередь, делится на федеральную и собственность субъектов РФ.

Говоря о федеральной собственности в первую очередь стоит понимать собственность бывшего СССР, которая ввиду правопреемства России, а также договоренностей с остальными бывшими республиками Союза находится в ведении нашей страны.

Первым документом, закрепляющим право на имущество СССР стало Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 17 сентября 1993 года «О собственности Союза ССР, находящейся за рубежом».

Согласно вышеназванному постановлению за Россией закрепляется находящееся за ее пределами бывшее имущество Союза Советских Социалистических Республик и признается федеральной собственностью РФ [2, п. 1].

Стоит заметить, что в процессе развития экономических и дипломатических отношений между странами количество зарубежного имущества у России увеличилось и на сегодняшний день не ограничивается одним Советским.

За пределами территории Российской Федерации на данный момент расположено огромное количество различных объектов попадающих под понятие государственной собственности. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 25 августа 2015 г. N 884 "Об управлении федеральным имуществом, находящимся за пределами Российской Федерации" - это может быть имущество консульств, торговые представительства, корабли и самолеты, которые временно находятся на территориях других стран, а также другие объекты недвижимости. Также упомянутое Постановление Правительства определяют федеральные исполнительные органы власти которые наделяются правом полномочных представителей в отношении зарубежного российского имущества. К таким органам относятся Министерство иностранных дел Российской Федерации и Управление делами Президента РФ [3, п. 5].

Имущество как движимое так и недвижимое может находиться на территории других государств как временно, так и постоянно. Этим имуществом могут быть ценные бумаги, которые принадлежат Российской Федерации, акции и доли юридических лиц, которые нахо-

дятся за пределами нашей страны. Правовой статус федеральной собственности определяется законодательством как Российской Федерации, так и законодательством страны на территории которой находится определенное имущество.

Также правовой статус регулируется международными договорами [6, с. 95]. Государственная собственность на территории других государств неприкосновенна. Имущественный иммунитет – это составная часть суверенитета государства.

Имущественный иммунитет обозначает, то что имущество Российской Федерации на территории другого государства не может быть объектом насильственных мер государства, на территории которого оно находится. Из этого мы можем сделать вывод, что имущество Российской Федерации на территории другого государства неприкосновенно – это означает, что она не может принудительно отчуждаться, арестовываться, не может принудительно быть задержано на территории другого государства, не должно допускаться какое-либо хищение данной собственности другим государством, его органами или отдельными лицами [5, с. 2].

В соответствии с Положением об управлении федеральным имуществом, находящимся за пределами Российской Федерации, решение об отчуждении недвижимого имущества за пределами нашей страны принимаются Правительством Российской Федерации.

Таким образом, государственная собственность может быть изъята только в соответствии с принудительными мерами судебного характера. К ней не могут применяться меры административного характера, то есть, она не может подлежать взысканию по каким-либо внесудебным требованиям.

31 августа 2017 года США потребовали от России до 2 сентября закрыть дипломатические объекты на американской территории. Непосредственно 2 сентября в зданиях дипломатических представительств проводились обыски правоохранительными органами Соединенных Штатов. Многие политологи в России считали, что действия США незаконны, так как действует имущественный иммунитет. Но американский посол в России и бывший заместитель госсекретаря по политическим вопросам Томас Пикеринг отметил, что «любая страна имеет абсолютное право лишить дипломатического статуса не только людей, объявив их персоной нон-грата, но и здания, точно так же, как имеет право принимать или не принимать дипломатов». Также российским дипломатам, после проведения обыска, не разрешили посетить и проверить собственность.

Данные действия властей США являются непосредственным нарушением Венской конвенции о дипломатических отношениях, подписанной в 1961 году. В соответствии с этим документом, здания, принадлежащие дипломатическим миссиям других стран, являются их полной собственностью – туда нельзя заходить даже полицейским.

На сегодняшний день вопрос о дипломатических представительствах РФ на территории США остается открытым. Многие политологи считают, что единственный вариант, который остается у российской стороны – это продажа имущества на территории США, так как по международному законодательству – дипломатические здания могут использоваться только по назначению [7].

На наш взгляд не стоит идти на поводу у иностранных государств и расставаться с нашей зарубежной собственностью. Действия, которые предпринимаются иностранными государствами противоречат нормам международного права и являются недопустимыми. Россия имеет подкрепленные нормами закона основания на зарубежную собственность и ее отчуждение что также подтверждается вышеупомянутым Положением об управлении федеральным имуществом.

Также недопустимо проникновение на зарубежную российскую собственность любых лиц без права доступа.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что правовое положение собственности РФ за рубежом достаточно полно регулируется нормами как российского, так и международного права.

Но все же ввиду большого объема зарубежной собственности и развития политической, социальной и правовой интеграции России в мировое сообщество возрастает роль таких во-

просов как: коллизия норм в международном частном праве, статус собственника имущества и гарантия его прав на зарубежное имущество.

Также большое значение играет правовой вопрос пределов иммунитета государственной собственности и рамок деятельности российских государственных органов направленной на обеспечение сохранности федерального имущества. Для регулирования данных вопросов требуется проработанная правовая база. Мы считаем, что в рамках национального законодательства вышеупомянутая база проработана достаточно хорошо и затрагивает все аспекты и нюансы касательно зарубежной собственности. Проблема состоит в международных отношениях, а именно в их реализации.

Данные отношения достаточно полно регулируются нормами международного права, но все же не исполняются иностранными партнерами ввиду полной подчиненности сверхдержавам.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 4398
2. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 17 сентября 1993 года №5727-1 "О собственности Союза ССР, находящейся за рубежом" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1993 г. – № 4. – Ст. 1457
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2015 года №884 "Об управлении федеральным имуществом, находящемся за пределами Российской Федерации" (ред. от 29.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015 г. – № 4. – Ст. 621
4. Правовое положение собственности Российской Федерации и российских организаций за рубежом // Киберленинка URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 04.12.2022).
5. Правовое положение собственности Российской Федерации и российских организаций за рубежом // Киберленинка URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 04.12.2022).
6. Сабитова А.Р., Бердегулова Л.А. Разграничение сфер международного публичного и частного права // Научный электронный журнал. – 2017. – №12(15). – С. 94-97.
7. Туманная судьба российской дипломатической собственности в США // РИА Новости URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 05.12.2022).

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА КРИПТОВАЛЮТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Духоменко Вероника Валерьевна

студент,

*Белорусский государственный экономический университет,
РБ, г. Минск*

Антонова Ольга Александровна

научный руководитель, канд. юрид. наук

*Доцент, Белорусский государственный экономический университет,
РБ, г. Минск*

Понимание сущности уголовно-процессуального наложения ареста на имущество неразрывно связано с его понятием, которое предлагаем рассмотреть в единстве его формы, содержания и признаков – «отличительных черт, свойств, качеств» определяемого явления. Достижение полного и точного понимания содержания, то есть смысла понятия «наложение ареста на имущество», в широком контексте заявленной темы имеет большое значение для законного применения указанной меры процессуального принуждения [3, с. 31]. По нашему мнению, это позволит исключить в правоприменительной деятельности органов, ведущих уголовный процесс, допускаемые ошибки, уточнить границы применения ареста имущества, обеспечить права и законные интересы участников уголовного производства, в чьих интересах или в отношении которых мера принуждения применяется.

Наложение ареста на имущество при производстве по уголовному делу похоже на действия в гражданском (ст. 502 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь), хозяйственном (ст. 116 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь), административном (ст. 8.7 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях) процессах, что не дает оснований для отождествления отношений, складывающихся в этих случаях. Наложение ареста на имущество регулируется уголовно-процессуальным законом. Юридико-техническое расположение наложения ареста на имущество в гл. 14 УПК Республики Беларусь «Иные меры процессуального принуждения» относит его к отдельной группе мер уголовно-процессуального принуждения раздела IV «Меры процессуального принуждения», что указывает на наличие таких целевых отличий ареста имущества от других мер уголовно-процессуального принуждения, как направленность на обеспечение предусмотренного порядка предварительного расследования, направленность на обеспечение судебного разбирательства уголовного дела.

Помимо общих для группы «Иные меры процессуального принуждения» целей наложению ареста на имущество присущи специальные цели, придающие этому инструменту воздействия выраженный экономический характер. Так, в отличие от задержания (разд. IV, гл. 12 УПК Республики Беларусь), мер пресечения (разд. IV, гл. 13 УПК Республики Беларусь), иных мер процессуального принуждения (разд. IV, гл. 14 УПК Республики Беларусь) наложение ареста на имущество применяется также в целях обеспечения возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением, взыскания дохода, полученного преступным путем, гражданского иска, других имущественных взысканий, специальной конфискации, проверки фактической принадлежности имущества, источников его происхождения и законности отчуждения [2, с. 221].

В соответствии с ч. 1, 2 ст. 132 УПК Республики Беларусь субъектом, наделенным законодателем правомочием наложить арест на имущество, является орган, ведущий уголовный процесс. Это значит, что право применения меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество предоставлено органу дознания, следователю, прокурору и суду (пункты 19, 22 ст. 6 УПК Республики Беларусь), что исключает возможность наложения ареста на имущество другими участниками уголовного процесса. Название

меры уголовно-процессуального принуждения «наложение ареста на имущество» указывает на то, что его предметом выступает исключительно имущество. В качестве такового понятия имущество используется и при применении, например, залога (ст. 124 УПК Республики Беларусь) как меры пресечения, а также денежного взыскания (ст. 134 УПК Республики Беларусь) как меры уголовно-процессуальной ответственности.

Под имуществом, указанным в ст. 132 УПК Республики Беларусь, понимаются любые вещи, включая наличные денежные средства и документарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, находящиеся на счетах, во вкладах (депозитах) в банках и (или) небанковских кредитно-финансовых организациях, бездокументарные ценные бумаги; электронные деньги; имущественные права, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. В условиях широкого распространения в последние годы криптовалют (в настоящее время в трансграничном обращении находится около 2 500 таких) они, по нашему мнению, должны быть включены в приложение к ст. 132 УПК Республики Беларусь, а также в соответствующие нормы других отраслей права, что является актуальной проблемой современного законодательства, требующей быстрее научного исследования и понимания.

Препятствием введения криптовалют в уголовный процесс в качестве предмета наложения ареста на имущество выступает проблема их правового регулирования. Исходя из положений Декрета № 8 Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики», следует, что криптовалюта в Республике Беларусь – это средство обмена, правовой статус которого до конца не ясен. Анализ белорусского понятия криптовалюты показал необходимость разработки четких критериев, которые будут указывать на ее правовой статус. В Германии, Новой Зеландии, Швейцарии, Японии криптовалюты выступают признанными государством платежными средствами и расчетными денежными единицами, чего пока нельзя сказать про нашу страну в полной мере [1, с. 65].

Теоретическое осмысление проблем криптовалют в уголовном процессе тесно связано с уже имеющимися сложностями в практической деятельности органов уголовного преследования Республики Беларусь и попытками их разрешения. Между тем с правовой и организационно-технической точек зрения в настоящее время о «полноценном» наложении ареста на имущество в отношении криптовалют говорить не приходится. Причины здесь видятся в отсутствии законодательного отнесения криптовалют к имуществу и отсутствию выработанных правового и организационно-технического механизмов наложения ареста на криптовалюты. Вместе с тем реальная возможность обмена криптовалют на официальные денежные знаки указывает на необходимость законодательного закрепления этого нового явления не только в уголовно-процессуальном, но и, в первую очередь, в гражданском законодательстве.

С 17 мая 2022 г. вступило в силу постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 14.04.2022 № 67, которым закреплен порядок обращения взыскания на криптовалюту в рамках исполнительного производства. Документ принят для обеспечения возможности реализации Указа Президента Республики Беларусь от 14.02.2022 № 48 «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты». Однако, данные документы регулируют механизм ареста криптовалюты только в рамках исполнительного производства, но не на стадиях уголовного процесса. Следует констатировать, что в настоящее время правовые нормы не готовы к полноценной работе с криптовалютами. Законодательство Республики Беларусь не адаптировано к новым технологическим вызовам современного цифрового общества. Полноценная реализация применения меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в отношении криптовалют возможна и заключена в синтезе трех составляющих: правовой, процессуальной и организационно-технической.

Решением выявленных проблем, как нам представляется, может стать пересмотр процессуального порядка наложения ареста на криптовалюты с учетом недавних изменений в уголовно-исполнительное законодательство, а также дополнение недавних изменений текста Примечания ст. 132 УПК «Наложение ареста на имущество», новым понятием «виртуальные

кошельки» в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 48 от 14 февраля 2022 г. Так, предлагаем изложить Примечание ст. 132 УПК следующим образом: «под имуществом для целей настоящей статьи понимаются любые вещи, включая наличные денежные средства и документарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, находящиеся на счетах, во вкладах (депозитах) в банках и (или) небанковских кредитно-финансовых организациях, бездокументарные ценные бумаги; электронные деньги; крипто-валюты; виртуальные кошельки; имущественные права, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности».

Список литературы:

1. Бушкевич, Н.С. Криптовалюта как предмет наложения ареста на имущество / Н.С. Бушкевич // Предвар. расследование. – 2019. – № 1. – С. 63–67.
2. Мухин, И.Г. Криптовалюты и блокчейн-технологии: оценка рисков и угроз / И.Г. Мухин // Журнал «Следователь» – Минск, 2020. – № 2. – С. 218–221.
3. Толочко, О.Н. Законодательство Республики Беларусь об обороте токенов (крипто-валют) в свете обеспечения экономической безопасности / О.Н. Толочко // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 4. – С. 30–32.

О ПРОБЛЕМАХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Зубрицкая Виолетта Сергеевна

студент,

Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Насибова Айтен Сохраб кзы

научный руководитель,

канд. ист. наук,

Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Представленная к вниманию тема научного исследования как никогда актуальна в условия современного мира. Ежегодно на территории различных государств возникают вооруженные конфликты, в результате которых страдает мирное население. Согласно статистике, на одного убитого военнослужащего приходится примерно десять человек гражданского населения [1].

В связи с этим были приняты международные нормативно-правовые акты, которые направлены на защиту военнопленных, раненых и больных, лиц из состава вооруженных сил, а также гражданского населения, в том числе на оккупированных территориях. Все указанные лица попадают под защиту Женевской конвенции 1949 г. [2] Дополнительных протоколов 1977 г. [3]

Согласно данным международно-правовым актам жертвы войны должны при всех обстоятельствах пользоваться защитой и гуманным обращением без какой бы то ни было дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения, или любых других аналогичных критериев. Запрещается любое посягательство на их жизнь и физическую неприкосновенность, в частности убийство, нанесение увечья, жестокое бесчеловечное обращение, пытки, истязания, посягательство на человеческое достоинство, оскорбительное и унижающее обращение, осуждение и применение наказания за несовершенно совершенные правонарушения, в том числе коллективное наказание. Особой защитой и покровительством пользуются дети и женщины, к которым применяется особое отношение.

Но, несмотря на гарантированную международным правом защиту, потери среди указанных выше лиц в случае вооруженных конфликтов значительно высоки. Так в 2016 году было совершено нападение на российских медицинских работников, осуществляющих свою службу в госпитале на территории Сирии в городе Алеппо, в связи с чем погибло несколько медсестер, врачей и больных. Как было указано ранее, нападение на представленных лиц запрещается нормами международного права, нарушает ряд международных соглашений, а также внутреннее законодательство государств-участников [4, с. 10].

В случаях вооруженных конфликтов согласно нормам международного права строго запрещено вести обстрел мирного населения. Но зачастую данный алгоритм действий не исполняется большинством государств, ведущих боевые действия. Так, например, США совершили два авианалёта на японские города Нагасаки и Хиросима в августе 1945 года, во время которых на мирное население городов были сброшены атомные бомбы. Жертвами атаки стали более 250 тыс. человек [5]. Эти события во многом повлияли на разработку и принятие норм, ставших впоследствии составной частью международного гуманитарного права, а именно, в 1949 году была принята IV Женевская конвенция [6] о защите гражданского населения в военное время [7, с. 286]

Стоит отметить, что в современных вооруженных конфликтах помимо многочисленных жертв среди гражданского населения, высока доля беженцев и вынужденных переселенцев.

Например, в августе 2018 года почти семь миллионов сирийцев покинули страну из-за боевых действий [8]. Многим из них было предоставлено политическое убежище, а кто-то получил статус беженца согласно Конвенции о статусе беженцев [9]. Но, несмотря на то, что международное право гарантирует права вышеперечисленных лиц, было зафиксировано ряд нарушений международного гуманитарного права со стороны принимающих государств. Это во многом стало причиной возникновения противостояния между беженцами и гражданами той или иной страны.

Стоит также отметить, что нормы современного международного гуманитарного права устанавливают ограничения методов и средств ведения военных действий. В 1993 году в Париже была принята Конвенция о запрещении химического оружия [10]. Согласно документу запрещается применение оружия, снарядов, а также веществ, которые могут причинить людям чрезмерные страдания. Важно отметить, что данной конвенции предшествовал запрет на применение в военных конфликтах ядовитых и нервнопаралитических газов, отравляющих жидкостей и веществ, а также бактериологического оружия [11]. Подводя итоги вышесказанному считаем важным отметить, что проблема защиты жертв вооруженных конфликтов будет оставаться актуальной до тех пор, пока государства не найдут способов разрешения вооруженных конфликтов мирным путём. Во всех прочих условиях международное право в данной области должно исключать варианты неправильного или двойственного трактования соответствующих норм. А в практике международных отношений должен быть выработан механизм противодействия государствам, нарушающим нормы международного гуманитарного права.

Список литературы:

1. Потери среди гражданского населения в войнах XX века: подходы к проблеме [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <http://www.warconflict.ru/rus/statistika/?action=shwprd&id=1396> (дата обращения: 04.12.22) – Загл. с экрана.
2. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (дата обращения: 04.12.22) – Загл. с экрана.
3. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843> (дата обращения: 04.12.22) – Загл. с экрана.
4. Ахметгареев А.Р. Проблема защиты и медицинского обеспечения гражданского населения, находящегося в зоне вооруженного конфликта, с соблюдением принципов и норм международного гуманитарного права. 2009-2010 гг. // Военно-юридический журнал- 2010. Вып. 1-1. – С. 10-11.
5. Хиросима и Нагасаки – факты об атомной бомбардировке Японии американцами в 1945 году [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://24smi.org/facts/312251-khirosima-i-nagasaki-fakty-ob-atomnoi-bombardirovk.html> (дата обращения: 04.12.22) – Загл. с экрана.
6. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (дата обращения: 04.12.22) – Загл. с экрана.
7. Гетьман-Павлова, И.В. Международное право : учебник для вузов / И.В. Гетьман-Павлова, Е.В. Постникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 560 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-06679-1. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/510656> (дата обращения: 10.12.2022).

8. В Минобороны РФ подсчитали количество сирийских беженцев в мире. [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: <https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201808291202-z1j2.ht> (дата обращения: 04.12.22) – Загл. с экрана.
9. Конвенция о статусе беженцев // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 04.12.22) – Загл. с экрана.
10. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Принята в Париже 13 января 1993 года) // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chemweapons.shtml (дата обращения: 04.12.22) – Загл. с экрана
11. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Одобрена резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1971 года) // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (дата обращения: 10.12.22) – Загл. с экрана

БАНДИТИЗМ И ВООРУЖЕННЫЙ РАЗБОЙ, СОВЕРШЕННЫЙ ГРУППОЙ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Иванов Артур Евгеньевич

студент,
Смоленский государственный университет,
РФ, г. Смоленск

Лопатина Татьяна Михайловна

научный руководитель,
Смоленский государственный университет,
РФ, г. Смоленск

BANDITRY AND ARMED ROBBERY COMMITTED BY A GROUP OF PERSONS: PROBLEMS OF QUALIFICATION AND DIFFERENTIATION

Artur Ivanov

Student,
Smolensk State University,
Russia, Smolensk

Tatyana Lopatina

Scientific director,
Smolensk State University,
Russia, Smolensk

Аннотация. В системе корыстно-насильственных преступлений особое место занимают разбойные нападения, квалифицируемые по статье 162 Уголовного кодекса Российской Федерации. При разбое совершается посягательство не только на имущество, но и на такие важные объекты уголовно-правовой охраны, как жизнь и здоровье человека. В случае, если нападение на потерпевшего происходит группой лиц с применением оружия, возникает вопрос о верной квалификации деяния и его отграничения от бандитизма, учитывая значительную схожесть признаков составов рассматриваемых преступлений.

В настоящей статье проводится уголовно-правовая характеристика составов бандитизма и квалифицированного вида разбоя, формируются критерии разграничения данных видов преступлений, обозначаются проблемные моменты квалификации посягательств.

Abstract. In the system of mercenary and violent crimes, a special place is occupied by robberies, qualified under article 162 of the Criminal Code of the Russian Federation. During robbery, an encroachment is committed not only on property, but also on such important objects of criminal law protection as human life and health. If an attack on the victim occurs by a group of persons with the use of weapons, the question arises about the correct qualification of the act and its separation from banditry, given the significant similarity of the characteristics of the components of the crimes under consideration.

In this article, the criminal-legal characteristics of the compositions of banditry and a qualified type of robbery are carried out, criteria for distinguishing these types of crimes are formed, problematic aspects of the qualification of encroachments are indicated.

Ключевые слова: бандитизм, разбой, вооруженность, группа лиц, устойчивость, предварительный сговор.

Keywords: banditry, robbery, armament, group of persons, stability, preliminary conspiracy.

Сегодня проблема преступных посягательств на чужое имущество и общественно-опасных последствий от таких преступлений продолжает оставаться крайне актуальной. Одной из наиболее опасных форм противоправного поведения является разбой – открытое хищение имущества, совершаемое в форме нападения на потерпевшего. Разбой характеризуется применением насилия, опасного для жизни и здоровья человека; угрозой применения такого насилия; применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Особую актуальность вопросы квалификации разбоя приобретают в силу значительной схожести квалифицированного разбоя и бандитизма. Сравним объективные стороны преступлений, предусмотренных статьей 209 УК РФ (бандитизм) и частью 2 статьи 162 УК РФ (разбой):

1. Как бандитизм квалифицируются групповые нападения на граждан с применением оружия, если данные нападения совершаются устойчивой группой.

2. Квалифицированный разбой – это нападение группой лиц на потерпевшего (потерпевших), с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Как видно, нападение на потерпевшего в составе вооруженной банды и нападение при групповом вооруженном разбое не имеет видимых отличий, по крайней мере – для потерпевших. Между тем, большое значение имеет квалификация вышеуказанных деяний, учитывая, что участие в нападениях, совершаемых бандой, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет, тогда как максимальная санкция за совершение группового вооруженного разбоя – 10 лет лишения свободы, а минимальный срок не установлен. Также, несомненно, по степени общественной опасности бандитизм представляет намного большую угрозу по сравнению с разбоем, учитывая, что основным объектом разбоя является собственность, а бандитизм посягает на одну из составляющих национальной безопасности – общественную безопасность.

Вышеизложенное подчеркивает высокую актуальность исследуемой темы, свидетельствует о необходимости четкого разграничения разбоя и бандитизма как двух различных по своему содержанию уголовно-правовых явлений.

Итак, подробно рассмотрим признаки составов квалифицированного разбоя и бандитизма, выделим их отличительные признаки и проведем разграничение.

Как было отмечено выше, объективные стороны группового вооруженного разбоя и бандитизма практически полностью совпадают. Однако и в этом элементе можно усмотреть некоторые отличия. Так, совершение преступлений в составе банды всегда сопровождается применением или использованием оружия. Использование – это, в том числе, его демонстрация в целях устрашения; применение – непосредственное приведение в действие орудия преступления.

Как следует из разъяснений, приведенных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 17.01.1999 г., под оружием, используемым членами банды, следует понимать любые предметы, отвечающие признакам оружия: огнестрельного, газового, пневматического, метательного, холодного, в том числе самодельного. Как видно, законодатель четко указывает на наличие оружия у участников банды. Это – обязательный признак бандитизма, причем речь не идет о предметах, используемых в качестве оружия.

Тогда как состав квалифицированного разбоя будет усмотрен и в случае, если соучастники используют при нападении предметы, способные причинить вред жизни или здоровью человека, но не являющиеся оружием в том смысле, который вкладывает в данное понятие законодательство об оружии.

Как показывает судебная практика, групповой разбой может совершаться с такими предметами, как палки, металлическая арматура, камни, иные предметы. Например, в одном из приговоров было указано, что подсудимые, пытаясь открыто похитить имущество из магазина, наносили удары потерпевшим металлическими кружками и тазами, что было признано использованием предметов в качестве оружия. [2]

Далее, рассмотрим признаки банды и группы лиц, совершающих вооруженные разбои. В указанном Постановлении № 1 от 17.01.1999 г. Верховный Суд разъяснил, что признаком банды, наряду с вооруженностью, является устойчивость. Об устойчивости свидетельствуют такие свойства банды, как сплоченность ее участников, длительность существования преступной группы, постоянство форм и методов совершаемых нападений, совершение иных действий, направленных на возможно дольше продолжение преступной деятельности.

Тогда как группа лиц, объединившихся для совершения вооруженного разбоя, не характеризуется указанными признаками. Предварительный сговор и совместное совершение разбоя образует лишь простое соучастие в виде соисполнительства, в некоторых случаях – с минимальным распределением ролей (например, как следует из материалов одного из изученных приговоров, двое преступников напали на потерпевшего, и, угрожая оружием, совершили открытое хищение чужого имущества, а третий в это время наблюдал за обстановкой, чтобы предупредить соучастников в случае опасности). [3]

Наконец, отличия между бандитизмом и групповым вооруженным разбоем усматриваются и при анализе субъективных признаков. В диспозиции статьи 209 УК РФ законодатель прямо указывает на цель бандитизма – совершение нападений на граждан и организации, без указания на корыстный мотив или иной мотив или побуждения, преследуемые участниками банды. Это означает, что нападения в составе банды могут совершаться с любой целью: убийства, уничтожения или повреждения имущества, изнасилования, мести за политическую или общественную активность и т.д.

Что касается субъективной стороны квалифицированного разбоя, то она характеризуется только корыстными побуждениями. Целью разбоя является отчуждение чужого имущества и обращение его в свою пользу, что и относит разбой к преступлениям, в первую очередь, корыстной направленности, и лишь во вторую – насильственной.

Субъекты разбоя и бандитизма также различны. Уголовная ответственность за разбой наступает с возраста 14 лет, однако в случае, если несовершеннолетний участвует в банде, то он будет привлечен к ответственности по статье 209 УК РФ лишь при достижении 16 лет. Несомненно, банда может специализироваться и на разбойных нападениях, однако несовершеннолетний в возрасте от 14 до 16 лет субъектом бандитизма не признается.

Итак, выделенные нами ключевые отличительные черты группового вооруженного разбоя и бандитизма позволяют систематизировать их и изложить в виде перечня с указанием на критерий разграничения.

1. По субъекту: достижение возраста 14 лет (разбой) и 16 лет (бандитизм).
2. По субъективной стороне: корыстная цель (разбой) и любая цель (бандитизм).
3. По объективной стороне: согласованность действий, планирование, распределение ролей (бандитизм) и простое соучастие в виде соисполнительства (разбой).
4. По признакам вооруженной группы:
 - устойчивость, длительность существования (бандитизм) и отсутствие данных признаков (разбой);
 - обеспечение преступной деятельности группы посредством финансирования, материально-технического обеспечения, планирования преступлений (бандитизм) и отсутствие данных признаков (разбой);
 - использование при совершении преступлений только оружия (бандитизм) и предметов в качестве оружия (разбой).

Как представляется, предложенная схема разграничения группового разбоя и бандитизма может быть внедрена в практическую деятельность правоохранительных органов в виде методических рекомендаций. Четкое уяснение различий между указанными видами преступлений будет способствовать повышению уровня профессиональной компетентности сотрудников органов предварительного следствия.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.
2. Приговор Ясенского районного суда (Оренбургская область) № 1|1|-39/2021 от 9 июня 2021 г. по делу № 1|1|-39/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 22.11.2022).
3. Приговор Кировского районного суда г. Самары № 1-17/2016 1-633/2015 от 29 января 2016 г. по делу № 1-17/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 22.11.2022).

КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ

Козлова Вероника Андреевна

студент,

Тольяттинский Государственный Университет,
РФ, Тольятти

Маштаков Игорь Владимирович

научный руководитель,

Тольяттинский Государственный Университет,
РФ, Тольятти

Достаточно быстрое формирование и развитие глобального информационного общества привело к появлению необходимости международного регулирования электронной торговли. В случае участия иностранного элемента в тех или иных отношениях, непременно возникает вопрос о том, какое право должно быть применимо к таким правоотношениям.

Коллизии в праве представляют собой определенные противоречия между нормативно-правовыми актами, регулирующие одни и те же отношения. Единообразное применение норм права не возможно при условии существования коллизий, однако полностью их избежать не представляется возможными, особенно когда в правоотношениях участвует иностранный элемент.

На сегодняшний день единого подхода к коллизионно-правовому регулированию отношений в сфере электронной торговли не выработано ни на национальном, ни на международном уровне. Поэтому особое значение приобретает теория права и доктринальные подходы к решению проблемных ситуаций в правовом регулировании той или иной сферы. Данные подходы со временем могут трансформироваться в нормы права, и, тем самым, разрешить возникающие коллизии.

Специфика отношений в сфере электронной торговли обуславливает отказ от коллизионных привязок (указаний на право, подлежащее применению в той или иной ситуации) и в качестве оптимального решения предлагается использование коллизионной привязки «автономия воли сторон», которая позволяет выявить действительную связь правоотношения с территорией конкретного государства.

Действительно, применить привязки в виде «закон места нахождения» и «закон места заключения» представляется не совсем возможным ввиду особенностей электронной торговли – местонахождение сервера и программного обеспечения (системы, посредством которой осуществляется коммуникация между субъектами электронной торговли) зачастую не совпадает с местонахождением владельца такого сервера. Безусловно, имея данные о местонахождении оборудования и программного обеспечения, можно установить лицо, владеющее сервером, а значит определить сторону в правоотношении. Но применение такой привязки не является логичным, поскольку сервер, оборудование и программное обеспечение – это лишь то, посредством чего осуществляется торговля. Полагаем, что данная привязка не применима в сфере электронной торговле, а скорее является дополнением к привязке «место совершения сделки» либо «право страны продавца».

Как правило, в рамках осуществления электронных торговых операций сторонам не предоставляется право выбора применимого права, и по общему правилу следует применять право страны местонахождения продавца. Однако в таком случае возникает проблема применения данного права, если электронная торговля осуществляется одновременно с территории нескольких стран. В данной ситуации необходимо выявлять непосредственно страну продавца, который связывает себя договором с покупателем.

Ряд авторов полагают, что право страны продавца не тождественно праву местонахождения продавца, поскольку один и тот же продавец может осуществлять свою деятельность

из разных стран. При таких обстоятельствах логичнее применять право страны, в которой зарегистрировано доменное имя, либо право страны, с территории которого продавцом в адрес покупателя было отправлено электронное сообщение, подтверждающее сделку. Полагаем, что данное правило применимо к случаям заключения договоров посредством электронного общения (переписка), нежели к электронной торговле на специализированных торговых площадках.

Таким образом, на сегодняшний день проблема коллизионно-правового регулирования отношений в сфере электронной торговли стоит достаточно остро и для её разрешения требуется закрепление коллизионной привязки на уровне международного договора, который бы способствовал разрешению данных проблем. Безусловно, существующие на сегодняшний день коллизионные нормы в российском праве могут быть применимы и к электронной торговле, но в таком случае считаем необходимым закрепить данное обстоятельство в соответствующей статье Гражданского кодекса. Однако очевидно, что решение проблемы коллизионно-правового регулирования отношений в сфере электронной торговли заключается в создании единообразного подхода к регулированию электронных сделок на международном уровне.

Список литературы:

1. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право [Текст] : учебник / И.В. Гетьман-Павлова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Эксмо, – 2011. – 640 с.
2. Козинец Н.В. Проблема коллизионно-правового регулирования отношений, возникающих в сфере трансграничной электронной торговли [Текст] // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2015. – № 6. – С. 65-70.
3. Михеев А.А. Проблема коллизионного регулирования сделок в Интернете [Текст] // Молодой ученый. – 2016. – № 28 (132). – С. 659-661.

ПРОБЛЕМА ОБРАТНОЙ ОТСЫЛКИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Кюльбяков Георгий Русланович

студент,
ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Эльдаров Салимсолтан Арсенович

студент,
ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Ермолаева Тамара Александровна

научный руководитель, канд. юрид. наук,
доцент кафедры международного права,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
РФ, г. Саратов

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы обратной отсылки в контексте практики международного частного права, а также определяется проблематика данного направления.

Ключевые слова: закон, право, международное частное право, обратная отсылка.

Приступая к анализу поставленной темы, важно начать с понимания обратной отсылки, в контексте именно международного частного права.

Вопросы обратной отсылки довольно давно известны международному частному праву и на практике считаются проблемными.

Институт обратной отсылки носит не самостоятельный характер, целью которого считается определение пространственно-персонального действия иностранных материально-правовых норм на основе анализа коллизионных норм этих иностранных правопорядков, а только способ коррекции применения отечественных двусторонних коллизионных норм [5, с. 105].

Также в науке обратную отсылку характеризуют как коллизионно-правовой институт, нормы которого применяют при обращении суда одной страны к праву другой. Так, согласно данной норме иностранное право, которое необходимо применить в каждом отдельном случае на основе коллизионной нормы, отправляет обратно к законодательству страны суда отказываясь регулировать спорное отношение.

В этой связи интересно привести мнение Л.П. Ануфриевой, согласно которого обратная отсылка представляет собой технический прием, с помощью которого становится легче регламентация правоотношений, осложненных иностранным элементом [3, с. 233].

При это важное значение имеет то, что государства по-разному подходят к вопросу о возможности применения обратной отсылки. Австрия, Франция, Финляндия рассматривают возможность применения такового института, притом, что Нидерланды – запрещают. Законодательство Алжира и Таиланда вообще не регулирует данный вопрос.

Обратная отсылка принимается тогда, когда отечественная норма отправляет к иностранному праву в полном объеме и применяется иностранная коллизионная норма. Если же отечественная коллизионная норма отправляет к материально правовым нормам иностранного государства, то не применяются и нормы коллизионного иностранного права и обратная отсылка. Все сказанное подтверждает сложность применения обратной отсылки [10, с. 59].

Законодательная практика и доктрина зарубежных стран не дают конкретного решения на проблему о принятии или непринятии обратной отсылки, как способа применения колли-

зионных норм, поэтому данный вопрос является дискуссионным в международном частном праве [9, с. 44].

Обращаясь к правовой базе поставленного вопроса, важно выделить статью 1190 ГК РФ [1], нормы которой направлены на обратную отсылку.

В контексте выделенной правовой нормы высказывался А.В. Асосков, с мнением которого сложно согласиться. Так, по мнению автора «применение общих коллизионных норм из п. 1 ст. 1209 ГК РФ о форме сделки... будет выводить российский суд на российское право, в котором вопрос о форме соглашения о выборе права решается только в норме п. 2 ст. 1210 ГК РФ» [4, с. 44].

При этом, вышеприведенная цитата носит противоречивый характер в отношении постулата отечественного коллизионного права, в основе которого лежит отсылка к иностранному праву, когда по общему правилу рассматривается как отсылка к материальному, а не к коллизионному праву (п. 1 ст. 1190 ГК РФ). Следовательно, ст. 1209 ГК РФ определяет материальное право, применимое к форме ординарной частноправовой сделки, и не может использоваться для обоснования отсылки к другой норме разд. VI ГК РФ, посвященной соглашениям совершенно особого рода [12, с. 208].

В этой связи интересно привести пример из судебной практики.

По мнению НатВест Маркетс Н.В., судами неправомерно не применена статья 1187 ГК РФ, в силу которой, понятие срока исковой давности должно толковаться российским судом в соответствии с российским правом, где этот институт относится к материальному праву. Таким образом, нормы английского права об исковой давности должны квалифицироваться российским судом в качестве материально-правовых и подлежат применению, срок исковой давности по заявленному требованию составляет двенадцать лет и не истек на момент обращения в суд.

Как указывает заявитель кассационной жалобы, применение судами норм российского права о сроках исковой давности свидетельствует о нарушении правил пункта 1 статьи 1190 ГК РФ, запрещающих «обратную отсылку», а также правил пункта 2 статьи 1211 ГК РФ, что является основанием для отмены обжалуемых судебных актов.

Истец полагает, что суды не применили подлежащие применению нормы английского права об исковой давности. Выводы судов о процессуальном (то есть процедурном) характере норм об исковой давности основаны на неверной оценке представленных доказательств, в частности заключений экспертов [13].

Банк также указывает, что срок исковой давности не истек и при его исчислении по российскому праву, так как прерывался действиями заемщика, совершившего платеж.

Банк отказал в выдаче наследства в виде денежных вкладов умершего на основании свидетельства о праве на наследство, выданного в Германии, и рекомендовал предоставить свидетельство о праве на наследство, выданное в России (с учетом применения положений ч. 2 ст. 1195 ГК РФ).

Важно сказать, что круг отношений, особенности которых были урегулированы п. 2. ст. 1190 ГК РФ был сгруппирован путем элементарного перечисления конкретных статей ГК РФ. Данное обстоятельство на практике порождало вопросы о возможности применения обратной отсылки в случае использования коллизионных норм, относящихся к определению статуса физического лица, но содержащихся в иных нормативно-правовых актах. В целях решения данного спора на практике, в 2013г. был принят Федеральный закон, который исключил ссылки на конкретные статьи ГК РФ из п. 2 ст. 1190[2].

В рамках п. 2 ст. 1190 ГК РФ за нотариусом закрепляется право принять обратную отсылку иностранного права к российскому праву в ситуации, касающейся правового положения физического лица [6, с.4].

Проблема обратной отсылки связана с необходимостью решения вопроса о применении или неприменении российского права в случае, когда российская коллизионная норма указывает на применение иностранного права, а это право (его коллизионная норма) предписывает применение российского права (отсылает обратно) [14, с. 309].

В доктрине существует множество юридических построений, обосновывающих как принятие, так и непринятие обратной отсылки. Логически возможно любое из двух решений. Возможна отсылка иностранного права и к закону третьего государства [11, с. 55].

Обратная отсылка и отсылка к праву третьего государства – это результат столкновения коллизионных норм разных государств и одна из проблем, связанных непосредственно с процессом выбора применимого права для регулирования однородных частноправовых отношений. При этом это серьезный фактор, который сопутствует осуществлению регулирования правоотношений в международном частном праве [8, с. 15].

Анализ зарубежного законодательства и судебной практики показывает, что значительное количество стран используют обратную отсылку и отсылку к праву третьей страны.

В иностранных государствах отсылка к праву третьей страны часто также не принимается во внимание. Например, согласно п. 2 ст. 6 Закона Эстонии о международном частном праве, если право иностранного государства предусматривает применение права третьего государства, то такая отсылка не учитывается. В ряде стран правило о непринятии отсылки формулируется широко, охватывая и обратную отсылку, и отсылку к праву третьей страны [11, с. 56].

Практика демонстрирует, что обратная отсылка позволяет суду на законных основаниях применять правовые нормы своего государства. В основе рассматриваемого коллизионного метода лежит установление правовой системы, с которой конкретное отношение имеет наиболее близкую связь [7, с. 52].

Рассмотрев проблематику применения на практике института обратной отсылки, можно сформулировать следующие варианты решения:

1. Данный институт не подлежит использованию в целях защиты приоритетов национального права.

2. Он служит для более оптимального использования государством.

3. Отсылка применяется в ситуациях, в которых об этом напрямую указывается. Данный способ является одним из самых популярных.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что **проблематика вопроса обратной отсылки** сводится к объему применения иностранного права. Большинство стран применяют обратную отсылку либо в законах, либо в судебной практике. Решить проблему обратной отсылки можно посредством заключения международного договора между двумя странами.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
2. Федеральный закон от 30.09.2013 № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации»// СЗ РФ. – 2013. – № 40 (часть III). – Ст. 5030.
3. Ануфриева Л.П. Международное частное право. В 3-х томах. Том 1. Общая часть. М.: БЕК, 2002. 283 с.
4. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2013.
5. Асосков А.В. Основы коллизионного права. М.; Берлин, 2012. С. 105.
6. Астахова М.А. Нотариус как субъект международных частноправовых отношений // Нотариус. 2019. № 7. С. 3 – 5.
7. Бишлер А.О. Обратная отсылка в международном частном праве// Научный журнал «Эпомен», № 35, 2020. С. 51-57.
8. Борисова А.Н. Доктрина обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства (RENOI): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская государственная юридическая академия, 2008. С. 15.

9. Гайнуллина Л.Р. Обратная отсылка в международном частном праве// «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки» №16. 2017. С. 44-46.
10. Лебедев С.Н., Кабатова Е.В. Международное частное право: учебник: в 2 т. М.: Статут, 2015 Т. 2. С. 455.
11. Марышева Н.И. Обратная отсылка в международном частном праве: российское законодательство // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 55–62.
12. Новикова Т.В. Правовой режим формы соглашения о применимом праве // Актуальные проблемы российского права. 2020. N 5. С. 208 – 215.
13. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.06.2019 № Ф09-10289/16 по делу № А76-10954/2015// СПС Консультант Плюс.
14. Честных Д.Н. Проблема обратной отсылки в международном частном праве// Молодой ученый. 2020. № 51 (341). С. 309-311.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Лопутнев Илья Андреевич

студент,

Смоленский государственный университет,

РФ, г. Смоленск

SOME PROBLEMS OF SENTENCING FOR THE TOTALITY OF CRIMES

Ilya Loputnev

Student,

Smolensk State University,

Russia, Smolensk

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем реализации норм уголовного права в сфере назначения наказания по совокупности преступлений. Автором рассмотрены основные вопросы, касающиеся правила поглощения менее строгого наказания более строгим, а также предложены возможные способы разрешения сложившихся противоречий.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems of implementation of the norms of criminal law in the field of sentencing for a combination of crimes. The author considers the main issues related to the rule of absorbing a less severe punishment by a more severe one, and also suggests possible ways to resolve the existing contradictions.

Ключевые слова: совокупность преступлений, наказание, поглощение менее строгого наказания более строгим.

Keywords: set of crimes, punishment, absorption of a less severe punishment by a more severe one

Современное общество имеет тенденцию к стремительному развитию и расширению. В этой связи различные социальные институты и явления также имеют свойство развиваться. Российское общество, в процессе становления на путь информатизации, участвуя в процессах глобализации неизменно сталкивается с проблемой объективного расширения института преступления. Преступления, преступный мир и сама преступность в целом имеет также свойство к расширению и, вместе с тем, преступления становятся более сложными и, зачастую, могут состоять из нескольких отдельных преступлений. В этой связи изучение вопросов множественности преступлений является актуальной и на сегодняшний день.

В соответствии со ст. 17 УК РФ под совокупностью преступлений понимается «совершение двух и более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части Уголовного Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание». Более того Уголовный кодекс усматривает совокупность преступлений и при совершении одного действия, предусмотренного двумя и более статьями Особенной части Уголовного кодекса.

Совокупность преступлений представляет собой наиболее опасную форму преступного поведения постольку поскольку посягает на различные общественные отношения и указывает на особые отношения преступника к содеянному. В этой связи данный уголовно-правовой институт постоянно претерпевает различного рода трансформации. Законодатель стремится особым образом регламентировать подобное поведение преступника. [1] Для наиболее детального рассмотрения вопроса назначения справедливого наказания при совокупности преступлений следует остановиться на вопросах определения существенных признаков данного понятия.

Немало вопросов вызывает проблема точного определения сроков наказания за преступления различной степени тяжести. Само по себе назначение наказания за единичное преступление является сложным и зачастую противоречивым процессом. Назначение же наказания по совокупности преступлений, наряду с совокупностью приговоров, является ещё более сложным процессом. Зачастую можно увидеть совершенно различные приговоры в, казалось бы, аналогичных ситуациях. Безусловно уголовное наказание должно соответствовать принципу справедливости и быть максимально индивидуализированным, однако, следует понимать, что принцип справедливости напрямую связан с принципом равенства всех перед законом и судом.

Задача уголовного судопроизводства добиться реализации норм уголовного права таким образом, чтобы ни один из принципов не был нивелирован в процессе назначения и реализации наказания. В этой связи вопросы реализации норм уголовного права представляют собой наибольшую важность и актуальны на сегодняшний день.

Первый вопрос, который сегодня наиболее остро стоит не только в теории, но и в практике – это вопрос возможности применения принципа поглощения более строгим наказанием менее строгого наказания при совокупности преступлений. В науке дано бытует мнение, что данное правило следует исключить. Так, например, А.С. Пушкарева [2], В.П. Алехин, С.С. Медведев [3] и ряд других авторов отмечают, что при поглощении одного менее строгого наказания другим более строгим создаётся впечатление, что преступник, совершая два отдельных деяния или действия, подпадающих под две статьи Особенной части УК РФ, способен таким образом избежать наказания за одно из них, что в свою очередь противоречит принципу справедливости. Безусловно, такое утверждение является верным, ведь наказание должно быть справедливым, то есть должно соответствовать характеру и степени общественной опасности. Однако законодатель, устанавливая правила назначения наказания по совокупности преступлений учёл, что для применения данного правила требуется, чтобы совершенные преступления должны относиться к небольшой и средней тяжести. Такой подход на наш взгляд также не является совсем верным и не учитывает отношение лица к содеянному. Полагаем, что лицо, совершившее преступление пусть небольшой/средней тяжести умышленно, не должно быть «фактически» освобождено от одного из наказаний путём такого поглощения.

При этом следует также отметить, что исключение предложение об исключении данного правила из действующей редакции УК РФ также не представляется возможным, поскольку иногда применение данного правила все же будет отвечать требованиям справедливости. На наш взгляд, такое правило можно и разумно применять в случаях, если при совершении одного из деяний отсутствовал умысел, то есть одно из преступлений совершено по неосторожности. Особая опасность совокупности преступлений заключается в том, что преступник, совершая несколько преступлений по сути осознаёт характер и степень общественной опасности, а в умышленных преступлениях желает наступления общественно-опасных последствий. То есть совокупность преступлений потому и оценивается законодателем как более сложное и опасное явление, так как здесь особую значимость приобретает личность преступника и его отношение к содеянному. Полагаем, что личность преступника, совершившего неосторожное преступление менее опасно для общества, в связи с чем заслуживает некоторого снисхождения.

Второй вопрос, который также вызывает некоторые сомнения – это применение данного правила за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению, а также за покушение на тяжкое и особо тяжкое преступление. Полагаем в данном случае также применение данного правила неуместно. Отсутствие факта завершенности зачастую не зависит от воли субъекта преступления и такое «стечение удачных обстоятельств» не должно давать повода для освобождения его от ответственности за данные деяния. Кроме того, в соответствии с действующей редакцией Уголовного кодекса РФ покушение и приготовление к преступлению и без того наказываются по сокращённой системе. В связи с чем применение правил поглощения лишь необоснованно освободит преступника от ответственности за их совершение.

В этой связи, полагаем разумным внести соответствующие изменения в ч.2 ст. 69 УК РФ и изложить ее в следующей редакции:

«2. Если все преступления, совершенные по совокупности, являются преступлениями небольшой или средней тяжести, одно из которых совершено по неосторожности, окончательное наказание назначается путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем частичного или полного сложения назначенных наказаний. При этом окончательное наказание не может превышать более чем наполовину максимальный срок или размер наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений».

Список литературы:

1. Молчанов Д.М. Множественность преступлений: актуальные проблемы и теоретический опыт исследований ученых кафедры уголовного права МГЮА. Актуальные проблемы российского права. 2016. № 5. С. 111.
2. Пушкарева А.С. Теоретические и практические вопросы назначения наказания по совокупности преступлений. Вопросы российской юстиции. №10. 2020. С. 419.
3. Алехин В.П., Медведев С.С. Некоторые особенности назначения наказания при совокупности преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №2. С. 191.

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФОРМ И ВИДОВ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И В УК РФ

Лопутнев Илья Андреевич

студент,

Смоленский государственный университет,

РФ, г. Смоленск

PROBLEMS OF DELIMITING THE FORMS AND TYPES OF MULTIPLE CRIMES IN THE THEORY OF CRIMINAL LAW AND IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ilya Loputnev

Student,

Smolensk State University,

Russia, Smolensk

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные проблемы разграничения форм и видов множественности в российском уголовном праве. Представлены теоретические аспекты классификации основных видов множественности, имеющие существенное значение для правильной квалификации и назначения наказания.

Abstract. This article discusses the main problems of distinguishing between forms and types of plurality in Russian criminal law. The theoretical aspects of the classification of the main types of multiplicity, which are essential for the correct qualification and the appointment of punishment, are presented.

Ключевые слова: множественность преступлений, формы множественности, виды множественности, совокупность преступлений, совокупность приговоров, рецидив преступлений.

Keywords: plurality of crimes, forms of plurality, types of plurality, aggregate of crimes, aggregate of sentences, recidivism of crimes.

Современное общество имеет тенденцию к стремительному развитию и расширению. В этой связи различные социальные институты и явления также имеют свойство развиваться. Российское общество, в процессе становления на путь информатизации, участвуя в процессах глобализации неизменно сталкивается с проблемой объективного расширения института преступления. Преступления, преступный мир и сама преступность в целом имеет также свойство к расширению и, вместе с тем, преступления становятся более сложными и, зачастую, могут состоять из нескольких отдельных преступлений. В этой связи изучение вопросов множественности преступлений является актуальной и на сегодняшний день.

Множественность преступлений можно определить, как совершение виновным лицом двух или более общественно-опасных деяний, предусмотренных уголовным законом, при условии, что каждое из совершенных деяний, являясь самостоятельным составом преступления, не утратило своего уголовно-правового значения, а также при условии отсутствия препятствий для осуществления уголовного судопроизводства.

Определение множественности преступлений само по себе имеет важное значение при назначении наказания. Значение множественности преступлений заключается в том, что данное уголовно-правовое явление является обстоятельством, которое в большинстве случаев, будучи признанным таковым, усиливает уголовную ответственность. Единичное деяние, предусмотренное Особенной частью УК РФ, уже само по себе признается опасным. Совершение нескольких преступлений имеет большую общественную опасность и исходя из

принципа справедливости, установленной ст. 6 УК РФ – наказание должно быть соразмерно совершенному деянию.

В уголовной доктрине вопросы разграничения форм и видов множественности не всегда решаются однозначно. На сегодняшний день данный вопрос неоднократно поднимался во многих исследованиях и трудах заслуженных ученых и криминалистов, однако, игнорировать данный вопрос в рамках выбранной нами темы, на наш взгляд, было бы ошибочно.

Так, в уголовном праве в отношении данного вопроса принципиально заслуживают внимания сущность и значение категорий «форм множественности» и «видов множественности». И здесь сразу возникает вопрос соотношения этих двух понятий. Стоит отметить, что мнения ученых на этот счет расходятся. Некоторые ученые, полагают, что данные понятия можно считать тождественными и принципиальных различий между ними нет [5]. Согласно данному подходу авторы выделяют следующие формы (виды) множественности:

- 1) Совокупность преступлений;
- 2) Рецидив преступлений;
- 3) Неоднократность преступлений;
- 4) Совокупность приговоров;

Некоторые авторы выделяют также дополнительно:

- 1) Повторность;
- 2) Преступный промысел;
- 3) Преступная деятельность.

Другие полагают, что разница есть и она весьма существенна. Например, в работах Н.Н. Коротких можно проследить мысль о том, что формы множественности и виды множественности соотносятся между собой как целое и часть [2]. Невозможно не согласиться с мнением автора, так как этимологическое значение форм чего бы то ни было уже представляется более широким, нежели виды. Однако, и здесь существуют свои нюансы, на которые невозможно не обратить внимание. Также Н.Н. Коротких полагает, что совокупность приговоров в полной мере нельзя считать формой множественности, так как данная форма представляет собой все же «порядок определения окончательного наказания для удобства его исполнения в отношении одного лица, при наличии нескольких неисполненных приговоров» [1].

Интерес представляет мнение Ю.Е. Тарасовой, которая полагает, что под формой множественности следует понимать «способ выражения уголовно-правового явления множественности преступлений, раскрывающий ее сущность и обладающий комплексом характеристик, позволяющим признать автономность такого способа выражения и отграничить его от иных форм множественности преступлений» [3]. В то же время под видами множественности следует понимать конкретную разновидность определенной формы множественности, которая включает в себя только одно из ее проявлений, характеристики которой раскрывают сущность этой определенной формы, но только лишь в какой-то части. На наш взгляд, данный подход вполне уместен, и довольно четко дает характеристику каждой категории.

Согласно данной концепции можно выделить две большие группы множественности. Первая – формы множественности, включающая в себя следующие формы:

- 1) Совокупность преступлений (в данную форму входят следующие виды множественности: идеальная совокупность и реальная совокупность);
- 2) Рецидив преступлений (включает в себя следующие виды: простой, опасный и особо опасный);
- 3) Совокупность приговоров;
- 4) Специальная повторность неосторожных преступлений [4].

Вторая группа – конструкции множественного совершения деяний – включает в себя:

- 1) Неоднократность;
- 2) Неоднократность, сочетающуюся с административной преюдицей;
- 3) Административная преюдиция;
- 4) Системность.

Вторая группа, на наш взгляд, имеет лишь некоторое сходство с множественностью преступлений, и будучи отраженной в Особенной части УК РФ имеет место быть, хотя и не может называться формой множественности в полном смысле этого слова.

Такой подход более детально отражает многогранную сущность множественности преступлений, а также будучи наиболее системным определяет возможности более точной квалификации содеянного.

Таким образом можно сделать вывод, что множественность преступлений по своей сути является сложной и многогранной системой совершения преступлений. Изучение института множественности преступлений является важнейшим актуальным вопросом уголовного права на сегодняшний день. Обладая целым рядом сложных признаков множественность преступлений является сложной системой, в процессе изучения которой ставятся множество дискуссионных вопросов. К вопросу об определении понятия множественности можно сделать вывод, что тема до сих пор является не до конца изученной. Тем не менее на сегодняшний день не существует четкого определения данного понятия. Наряду с тем, что мнения ученых рознятся относительно самого понятия, в науке также отсутствует единое мнение относительно разграничения форм и видов множественности. Существует множество подходов к дифференциации данных категорий. На наш взгляд само существование разрозненности мнений ученых и практикующих юристов, способствует усложнению квалификации содеянного и назначения наказания по той или иной форме множественности.

Список литературы:

1. Иногамова-Хегай Л.В. Отзыв официального оппонента профессора, доктора юридических наук, профессора кафедры уголовного права МГЮА им. О.Е. Кутафина Л.В. Иногамовой-Хегай о диссертации Коротких Натальи Николаевны «Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование», представленной к защите в диссертационный совет Д 212.282.03 на базе ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет» // URL: https://www.usla.ru/science/dissovet/file/base/3/359/892_review.pdf (дата обращения: 05.05.2021);
2. Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 7, 10.;
3. Тарасова Ю.Е. Формы множественности преступлений и конструкции множественного совершения деяний в российском уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. С. – 73;
4. Тарасова Ю.Е. Соотношение форм и видов множественности преступлений: системный подход. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: юридические науки. № 3(31).2018. С. 74-78;
5. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: Дис. ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2001. С. 6, 10.

ВЫЧЛЕНЕНИЕ ПОСТАВКИ ИЗ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ

Парыгин Владислав Андреевич

студент

Сибирского юридического университета,
РФ, г. Омск

Резина Наталья Анатольевна

научный руководитель, канд. юрид. наук,
доцент Сибирского юридического университета,
РФ, г. Омск

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию экономической формации договора поставки. Целью данной статьи выступает проведение комплексного анализа правовых норм, в которых закреплены положения экономической формации договора поставки.

Данное научное исследование проводилось в несколько этапов. Вначале была определена тематика исследования, четко сформулирована тема статьи, обоснована его актуальность. Далее были определены цель и задачи исследования.

Был осуществлен поиск и изучение научной литературы по данной проблематике. В дальнейшем проводился выбор методов исследования и их обоснование. В исследовании были применены общенаучные, а также частные методы исследования.

В советский период развития гражданского права сфера применения договора купли-продажи существенно ограничилась и сводилась в подавляющем большинстве к отношениям между гражданами, а также между гражданами и розничными торговыми предприятиями.

И, если изначально, договор поставки выступает как подвид купли-продажи, то в дальнейшем, в связи с жестким централизованным регулированием имущественного оборота и всеобъемлющим планированием экономических отношений, что привело к созданию централизованной плановой административно-командной системы управления экономикой. Договор поставки стал рассматриваться в качестве оптимального средства доведения плановых заданий до конкретных участников имущественного оборота. Так, Гражданский кодекс РСФСР 1922г (далее – ГК РСФСР) [1], ещё не включал в себя нормы о договоре поставки как самостоятельном виде гражданско-правового договора. Но уже в более поздний период развития советского гражданского права договор поставки снова признается самостоятельным договором, являющимся основной правовой формой отношения организаций по снабжению и сбыту продукции в народном хозяйстве и одновременно ведущим хозяйственным договором [2].

В части 1 статьи 237 ГК РСФСР определение договора купли-продажи примерно такое же, что и в пункте 1 статьи 454 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): «По договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определённую денежную сумму (цену)», тем не менее часть 2 статьи 237 ГК РСФСР «насквозь» пронизана «социалистическим» духом, что «убивает» и начисто отвергает частноправовой характер договора купли-продажи.

Таким образом, поставка представляла собой плановый договор суть которого сводилась к тому, что поставщик в лице одной организации брал на себе обязательство по передаче в конкретный срок или сроки в управление покупателю представленному другой организацией индивидуально определённую продукцию при наличии обязательного акта планового характера содержащую информацию о распределении продукции [3]. А покупатель, в свою очередь, принимает на себя обязательство принять и произвести оплату продукции по ранее согласованным ценам.

Обращаясь к 258 статье ГК РСФСР, можно было увидеть как законодатель формирует определение поставки, а заключалось оно в следующем: покупатель, будучи организацией, обязан принять и произвести оплату за товар согласно установленным ценам переданный в собственность продукт.

Также, законодатель четко определял признаки, согласно которым можно было классифицировать исследуемый договор. Данные признаки обусловлены экономической формой того времени и скорее являлись условиями при которых стороны могли вступать в такого рода экономические отношения. Наиболее важным было находиться в статусе социалистической организации для каждой из сторон, а договор должен был иметь плановый характер и момент в который исполнялся договор должен был не совпадать с моментом его заключения или сроком.

Переходя к признакам, по которым можно было бы вычленить поставку из купли-продажи, можно отметить в первую очередь то, что поставщик должен именно в обусловленный срок передать товар покупателю, что говорит нам о явном выделении условия срока в статус существенного. Следующим признаком можно определить характер поставляемой продукции, которая исключительно должна быть или произведена поставщиком, или приобретена им самим с целью реализации, аналогичное требование к цели существует и для покупателя, который соответственно имеет узкую направленность в обращении с передаваемыми ему товарами. Исходя из вышесказанного, справедливо будет заметить, что сторонами по договору могут выступать, без исключения, только юридические лица, а именно организации являющимися субъектами предпринимательской деятельности.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс РСФСР от 11.11.1922 // Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 71. С. 904.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / под ред. С.Н. Братуся, О.Н. Садикова, Москва, 1982. С. 231.
3. Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 124.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Парыгин Владислав Андреевич

студент

Сибирского юридического университета,
РФ, г. Омск

Резина Наталья Анатольевна

научный руководитель, канд. юр. наук, доцент

Сибирского юридического университета,
РФ, г. Омск

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию истории становления и развития правового регулирования договора поставки. Целью данной статьи выступает проведение комплексного анализа правовых норм, в которых закреплены положения, определяющие историю становления и развития правового регулирования договора поставки.

Данное научное исследование проводилось в несколько этапов. Вначале была определена тематика исследования, четко сформулирована тема статьи, обоснована его актуальность. Далее были определены цель и задачи исследования.

Был осуществлен поиск и изучение научной литературы по данной проблематике. В дальнейшем проводился выбор методов исследования и их обоснование. В исследовании были применены общенаучные, а также частные методы исследования.

В советский период развития гражданского права сфера применения договора купли-продажи существенно ограничилась и сводилась в подавляющем большинстве к отношениям между гражданами, а также между гражданами и розничными торговыми предприятиями.

И, если изначально, договор поставки выступает как подвид купли-продажи, то в дальнейшем, в связи с жестким централизованным регулированием имущественного оборота и всеобъемлющим планированием экономических отношений, что привело к созданию централизованной плановой административно-командной системы управления экономикой. Договор поставки стал рассматриваться в качестве оптимального средства доведения плановых заданий до конкретных участников имущественного оборота. Так, Гражданский кодекс РСФСР 1922г (далее – ГК РСФСР) [1], ещё не включал в себя нормы о договоре поставки как самостоятельном виде гражданско-правового договора. Но уже в более поздний период развития советского гражданского права договор поставки снова признается самостоятельным договором, являющимся основной правовой формой отношения организаций по снабжению и сбыту продукции в народном хозяйстве и одновременно ведущим хозяйственным договором [2].

В части 1 статьи 237 ГК РСФСР определение договора купли-продажи примерно такое же, что и в пункте 1 статьи 454 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): «По договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определённую денежную сумму (цену)», тем не менее часть 2 статьи 237 ГК РСФСР «насквозь» пронизана «социалистическим» духом, что «убивает» и начисто отвергает частноправовой характер договора купли-продажи.

Таким образом, поставка представляла собой плановый договор суть которого сводилась к тому, что поставщик в лице одной организации брал на себе обязательство по передаче в конкретный срок или сроки в управление покупателю представленному другой организацией индивидуально определённую продукцию при наличии обязательного акта планового характера содержащую информацию о распределении продукции [3]. А покупатель, в свою

очередь, принимает на себя обязательство принять и произвести оплату продукции по ранее согласованным ценам.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс РСФСР от 11.11.1922 // Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 71. С. 904.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / под ред. С.Н. Братуся, О.Н. Садикова, Москва, 1982. С. 231.
3. Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 124.

РОЛЬ СУДА В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Реутов Кирилл Олегович

студент,

Волго-Вятский институт (филиал) Университета

им. О.Е. Кутафина МГЮА,

РФ, г. Киров

В теории юридического процесса существует несколько мнений относительно ролей суда и участников судопроизводства.

Первая позиция ученых говорит о том, что суд имеет право и обязанность по активному сбору доказательств, если по итогу исследования комплекса всех собранных сторонами доказательств приходит к выводу об их недостаточности для вынесения справедливого, обоснованного и законного приговора. Таким образом, суд должен стремиться установить все обстоятельства дела, что совпадает с общепринятым понятием состязательного процесса [2].

Авторы, придерживающиеся данной позиции, указывают на обязанность суда применить все имеющиеся правовые средства в целях сбора доказательственной базы по делу, даже если это входит вразрез с общепринятым понятием состязательности. Например, И.Я. Фойницкий отмечал, что роль судьи в уголовном процессе не должна быть пассивной. По собственной инициативе суд имеет право вызова и допроса свидетелей, истребования доказательств, так как деятельность судьи в этом случае направлена на вынесение справедливого решения [6].

Л.А. Воскобитова также считает, что роль суда в процессе должна быть активной и заключаться в изучении и проверке заявлений, ходатайств и представленных сторонами доказательств, в выявлении пробелов и противоречий, предоставлении возможности сторонам их устранить и побуждении сторон к этому, осуществлении по своей инициативе действий по исключению пробелов и противоречий, которые бы не позволили принять правосудное решение [1].

Сторонники целесообразности активной роли суда отмечают, что некачественное выполнение государственным обвинителем и защитником своих обязанностей может повлечь вынесение ошибочного и несправедливого судебного решения, что в итоге может привести к подрыву авторитета судебной власти. Поэтому, чтобы избежать подобной ситуации, суд обязан принять на себя нехарактерную для него функцию по сбору доказательств в целях установления обстоятельств дела. При этом под активной ролью суда прежде всего понимается возможность реализации полномочий по сбору доказательств по своей инициативе, независимо от мнений сторон.

Как правило, активная позиция суда сводится к формированию баз доказательств для сторон, поэтому суд при таких обстоятельствах может потерять беспристрастность. Более того, при оценке доказательств, собранных судом, может оказаться, что они имеют значение большее, чем те, которые собрали стороны. В юридической литературе достаточно глубоко проработан вопрос обвинительного уклона в процессуальной деятельности суда, а также причины данного явления. Например, В.П. Смирнов отмечает следующие причины: социально-политическую, психологическую и юридическую (нормативно-правовую). Приводя доводы по результатам предыдущих работ, он утверждает, что 80% российских судей ведут процесс с обвинительным уклоном, то есть фактически уже считают подсудимого виновным в совершении инкриминируемого ему преступления [5].

Согласно второй точке зрения для обеспечения беспристрастности суда он должен быть безынициативным. Идеальный в теории состязательный процесс предполагает, что суд займет пассивную позицию в вопросе сбора новых и исследования имеющихся доказательств независимо от воли сторон, более того, такое положение должно закрепляться нормативно. Некоторые ученые утверждают, что доказательства, которые были собраны судом по собственной инициативе, должны быть признаны недопустимыми и не могут быть основополагающими при рассмотрении дела по существу [3].

Если рассматривать данную точку зрения относительно уголовного процесса, то необходимо отталкиваться от его цели. Авторы указанного мнения отмечают необходимость полного разделения процессуальных функций защиты и обвинения, а также и отвергают идею установления истины по делу. В результате, учитывая пассивную позицию суда, он не сможет даже при необходимости вмешиваться или оказывать содействие в представлении доказательств.

Третья позиция ученых-процессуалистов говорит о том, что необходимо четкое нормативно-правовое закрепление пределов полномочий суда по инициативе в сборе доказательств [4].

Указанная точка зрения представляется оптимальной и целесообразной, так как суд нельзя лишать активности – без нее он не достигнет целей судопроизводства, тем не менее активная позиция должна быть ограничена для того, чтобы суд не брал на себя обязанности сторон, помогая им восполнять недочеты и изъяны их процессуальной деятельности. Помимо этого, исследователи считают, что необходимо на законодательном уровне четко обозначить границы активности суда в его процессуальной деятельности по сбору доказательственной базы.

Список литературы:

1. Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства : автореферат дис. ... доктора юридических наук / Моск. гос. юрид. акад. – Москва, 2004. – 55 с.
2. Газетдинов Н.И. Роль суда в состязательном процессе // Российский судья. – М.: Юрист, 2007, № 11. – С. 40-42.
3. Конин В.В. Тактика и истина в судебном разбирательстве // Воронежские криминалистические чтения. – 2005. – № 6. – С. 108-112.
4. Маслова Ю. К вопросу об инициативной деятельности суда // Закон и право. – 2011. – № 3. – С. 71-73.
5. Смирнов В.П. Проблемы состязательности в науке российского уголовно-процессуального права // Государство и право. 2001. № 8. – С. 51-59.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. СПб., 1996. Т. 2. – 333 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ДИСТАНЦИОННОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ

Ручушкина Екатерина Денисовна

магистрант,

Южно-уральский государственный университет,

РФ, г. Челябинск

Аннотация. В статье на примере оферты рассмотрена проблема несовершенства законодательства о дистанционной купле-продаже.

Ключевые слова: Интернет-торговля, дистанционная купля-продажа, оферта, законодательство.

Во время цифровых технологий продавцы также как и потребители переходят в сеть «Интернет» и предлагают приобрести свою продукцию дистанционным способом через маркетплейсы, такие как «Сбермегамаркет», «Яндекс.Маркет», «Wildberries», «Ozon», «Aliexpress» и др.

В соответствии с п. 12 Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 (далее – Правила продажи), при дистанционном способе продажи товара продавец обязан заключить договор розничной купли-продажи с любым лицом, выразившим намерение приобрести товар на условиях оферты. Оферта должна быть в свободном доступе для потребителей. Оферта – это предложение совершить сделку, содержащее все её существенные условия (ст. 435 Гражданского кодекса РФ). Оферта имеет большую роль как для продавца, так и покупателя. Прежде всего, она защищает продавца от неправомерных претензий покупателя. При этом офертой можно ограничить права покупателей, но только те, которые не установлены на законодательном уровне. Чаще всего у потребителя отсутствует доверие в оферте, поскольку законодательное регулирование в данной сфере предоставляет относительно низкий уровень защиты прав потребителей. Наиболее уязвимым местом при дистанционных продажах является не столько товар как таковой, а недостаточная, недостоверная или ложная информация о продавце товара, потребительских свойствах и качестве товара, указанных в оферте. При этом следует исходить из того, что 80 % реального товарооборота при дистанционной торговле приходится на анонимных продавцов.

Подтверждением того, что договор заключен, является выдача кассового или товарного чека, но если офертой предусматривается оплата в момент получения товара, сделка считается заключенной в день оформления заказа, т.е. когда продавец получил сообщение от потребителя о намерении заключить с ним договор купли-продажи. Как утверждает Л.Ю. Киселева: «при этом не ясно, когда таким моментом считается выдача чека, а когда – отправка сообщения» [1]. При этом в случае предоплаты покупатель оказывается в проигрышной ситуации, так как в результате он может не получить товар. Данный вопрос усугубляется еще и тем, что законодательно не урегулирован вопрос уведомления о принятии акцепта.

Пунктом 21 Правил продаж предусмотрено размещение на сайте сведений о предъявлении претензий. Продавец знакомит посетителей интернет-площадки с порядком обращения, предлагает формы документов, указывает сроки их рассмотрения, но если данная информация не предоставлена продавцом, то потребитель вправе направить претензию в любой форме и любым способом. Так, Хорошевский районный суд г. Москвы, решил удовлетво-

ритель требования истца к ответчику в силу того, что курьером не было предоставлено в письменном виде какой-либо информации о порядке и сроках возврата товара [2].

В юридической литературе высказана точка зрения о том, что нормативные акты Российской Федерации не расценивают дистанционную торговлю как отдельный вид договора розничной купли-продажи, а признают ее лишь в качестве особого способа продажи товаров, обладающего некоторыми особенностями [3]. Из чего следует, что на данный вид торговли должно распространяться в целом гражданское законодательство о купле-продаже. На наш взгляд, договор дистанционной купли-продажи обладает большой спецификой, в связи с чем на законодательном уровне ему должно быть посвящено больше специальных норм, так как Правила продажи не решают всех возникающих на практике проблем, что видно даже на рассмотренной выше проблеме об неурегулированности вопросов, связанных с офертой по договору дистанционной купли-продажи.

Список литературы:

1. Киселева Л.Ю. Интернет-торговля и особенности ее правового регулирования // Научные записки молодых исследователей. 2021. Т. 9. № 23. С. 22-32.
2. Решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 21.08.2018 по делу № 11-175/2018// Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>
3. Соловьев К.В., Чекмарев Г.Ф. Дистанционная торговля как объект правового регулирования // Вестник Международного института экономики и права. 2016. № 3 (24). С. 119–126.

ОБМЕН И ВОЗВРАТ ТОВАРОВ, ПРИОБРЕТЕННЫХ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ

Ручушкина Екатерина Денисовна

магистрант,

Южно-уральский государственный университет,

РФ, г. Челябинск

В статье рассматриваются некоторые проблемы обмена и возврата товаров, приобретенных дистанционным способом, анализируется судебная практика по рассматриваемым вопросам, предполагаются пути решения проблем.

Ключевые слова: дистанционная купля-продажа, Интернет купля-продажа, обмен товара, возврат товара.

В п. 2 ст. 26.1 Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) предусмотрено, что продавец до того, как заключить договор розничной купли-продажи, обязан предоставить покупателю всю необходимую информацию «о потребительских характеристиках реализуемого товара, сообщить адрес и полное наименование продавца (изготовителя) реализуемого товара, цену, а также все установленные условия покупки и доставки товара до потребителя, устанавливаемый срок службы, гарантийный срок и т.д.». Согласно п. 4 ст. 26.1 Закона о защите прав потребителей у покупателя есть право на то, чтобы отказаться от товара в любой момент до его передачи, а после того, как он передан, – в срок 7 суток. Иными словами, до того момента, пока покупатель не получил товар лично, принимая во внимание отсутствие возможности тактильно оценить выбранный товар, опробовать функционал товара, законодательством установлено, что покупатель имеет право отказаться от выполнения условий договора розничной купли-продажи дистанционным способом. Бремя возмещения убытков по доставке товара в этом случае лежит на приобретателе [2]. Также согласно ст. 26.1 указанного закона, если информация о порядке и сроках возврата товара надлежащего качества не была предоставлена в письменной форме в момент доставки товара, потребитель вправе отказаться от товара в течение трех месяцев с момента передачи товара.

Следует отметить, что в п. 21 утративших на сегодняшний день силу Правил продажи товаров дистанционным способом, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27.09.2007 г. № 612, определялись условия и срок возврата товара. В новых же правилах – Правилах продажи товаров по договору розничной купли-продажи, утвержденных постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 2463 (далее – Правила продажи), положения об этом отсутствуют, что создает сложности на практике. В литературе отмечается, что для дистанционной розничной купли-продажи в настоящее время не имеется особых требований к договору, а судебная практика складывается не в пользу потребителя, так как судебные органы требуют вначале исполнения обязанности от покупателя по оплате, и только потом признают его право отказаться (потребовать замены) от товара, а также не учитывает особенности данного способа розничной торговли и «ведет к расходам, в том числе и судебным, связанным с необходимостью доказывать факт продажи товара ненадлежащего качества» [4].

Рассматривая судебную практику, можно прийти к выводу, что самым частым вопросом в суде является вопрос о возможности применения перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, а также габаритов, фасонов, расцветок или конфигурации. Так, Останкинский районный суд решил отказать истцу в его требованиях о взыскании уплаченной по договору денежной суммы в связи с отказом от исполнения договора покупки ноутбука в сети-интернет ссылаясь на то, что ноутбук входит в число технически сложных товаров, которые не подлежат возврату или обмену [3].

В п. 4 ст. 26.1 Закона о защите прав потребителей говорится, что при отказе потребителя от товара продавец должен возратить ему денежную сумму, уплаченную потребителем по договору, за исключением расходов продавца на доставку от потребителя возвращенного

товара, не позднее чем через десять дней со дня предъявления потребителем соответствующего требования. Проблема заключается в том, что на практике это создаёт определенные трудности. Представляется, что возврат должен осуществляться тем же способом, что и внесение оплаты. Так как покупки могут оплачиваться с банковского счета, то возврат денежных средств занимает определенное время, которое в отдельных случаях может превышать 10 дней. Но обязанность продавца по возврату денежных средств будет исполнена ранее, чем они поступят на счет покупателя.

На наш взгляд, в силу увеличения в современный период покупок посредством дистанционной купли-продажи необходимо привести действующее законодательство в соответствии с потребностями дня, которое должно регламентировать все вопросы дистанционной торговли с целью защиты интересов как покупателей, так и продавцов. При заключении договора дистанционной купли-продажи в отношении технически сложных, либо крупногабаритных товаров, необходимо предусмотреть обязательное утверждение спецификации товара сторонами. В литературе даже было высказано предложение о необходимости разработки и принятия отдельного законодательного акта, регулирующего сегмент дистанционных розничных продаж, поскольку имеющиеся нормы и правила достаточно поверхностно отражают нюансы данной торговли [1].

Список литературы:

1. Аксенов, С.В. Проблемы и перспективы правового регулирования сделок в сфере электронной коммерции / С.В. Аксенов // Аллея науки. 2021. Т. 2. № 12 (63). С. 504 – 508.
2. Кузнецова, А.В. Развитие дистанционной торговли как экономического, а также правового явления / А.В. Кузнецова // Студенческий. 2022. № 18-8 (188). С. 68-70.
3. Решение Останкинского районного суда от 02.12.2020 по делу № 2-6002/20 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>(дата обращения 07.12.2022).
4. Солопова, Е.Н. Теоретические основы договора розничной купли – продажи дистанционным способом / Е.Н. Солопова // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2021. № 18. С. 47 – 51.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОЙ ТОРГОВЛИ

Ручушкина Екатерина Денисовна

магистрант,

Южно-уральский государственный университет,

РФ, г. Челябинск

Аннотация. В статье осуществлена классификация нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере дистанционной торговли. Сделан вывод о необходимости принятия комплексного правового акта, посвященного данному виду торговли.

Ключевые слова: дистанционная торговля, Интернет-торговля, дистанционная купля-продажа.

Отношения, связанные с электронной торговлей, относительно новые и при этом сложные, однако нельзя говорить о полном отсутствии нормативно-правовых актов, регулирующих поведение участников Интернет-торговли.

В Российской Федерации глубокий интерес к сфере Интернет-торговли появился только в 1998 году, что непосредственно связано с внедрением и повсеместным развитием сети Интернет. Довольно несложная в исполнении, производстве и обеспечении услугами пользователей, технология сетей Интернет позволила продавцам расширить свой товарооборот за счет рекламных акций. В России, на данный момент, происходят процессы и наблюдаются тенденции подобные тем, что происходили на Западе в период активной фазы развития технологического прогресса и внедрение данных технологий в потребительское общество. Данному процессу характерно то, что технологическое развитие происходит намного быстрее, чем это необходимо для повсеместного распространения.

В России, в сфере информационных технологий, существует несколько десятков нормативно-правовых актов. Данные нормативные акты делятся на несколько групп.

К первой группе можно отнести акты, устанавливающие законодательные нормы по регламентации правоотношений в Интернет-торговле. Прежде всего, к данной группе относится Конституция Российской Федерации, в которой прописаны основные права и гарантии, среди которых можно выделить ст. 8, в которой закреплены гарантии на единство экономического пространства, свободное перемещение финансовых средств, товаров и услуг, поддержку конкуренции и свободу экономической деятельности, что в свою очередь гарантирует права и свободы человека и гражданина и их защиту.

В этой же группе находится Гражданский кодекс Российской Федерации. Данный нормативно-правовой акт включает ряд норм, благодаря которым с помощью электронного обмена данными есть возможность заключения сделок и осуществления товарооборота на территории Российской Федерации и за ее пределами, кроме того, позволяющим производить безналичный расчет по электронным сделкам, совершая его с помощью электронных технологий в кредитно-банковской сфере.

Во вторую группу включены законы, непосредственно посвященные проблемам документооборота в электронном виде, а именно Федеральный закон Российской Федерации № 63-ФЗ «Об электронной подписи». К третьей группе относятся законы, которые касаются отдельных организационных функций и обеспечения работоспособности систем цифрового документооборота, а именно Федеральный закон Российской Федерации от 07 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей».

Электронные отношения, которые быстрыми темпами прогрессируют и развиваются в области Интернет-торговли, стали причиной того, что в регулировании таких отношений образовался глубокий нормативно-правовой разрыв, что ставит задачу совершенствования и развития законодательства в области правовой регламентации отношений в осуществлении Интернет-торговли [2].

В Российской Федерации в 2000 г. предпринимались шаги по принятию Федерального закона «Об электронной торговле», проект которого был внесен в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации 3 октября 2000 года. Однако он был отклонен и отправлен на доработку по причине того, что он еще не отвечает потребностям современного общества, а также не в полном объеме заполняет пробелы действующего законодательства РФ. В дальнейшем было принято Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом», утратившее силу в настоящее время. Это постановление скорее регулировало торговлю с помощью каталогов (заказ по каталогу почтой с использованием наложенного платежа), чем дистанционную торговлю, хотя очень четко раскрывали многие понятия. На данный момент Правительством РФ утверждены новые Правила продажи товаров по договору розничной купли-продажи, которые вступили в силу с 1 января 2021 года и будут действовать до 1 января 2027 года (постановление Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 2463). Постановление объединило в себе ранее действующие по отдельности правила продажи товаров, хотя они значительно сокращены. Данные правила не решают всех проблем, возникающих в сфере электронной торговли (например, защиту прав покупателей), в связи с этим задача по разработке комплексного правового регулирования электронной торговли остается актуальной и по настоящее время.

Список литературы:

1. Белова, О.А. Актуальные нововведения в области дистанционной торговли розничной купли-продажи товаров / О.А. Белова // Вестник Евразийской академии административных наук. 2021. № 2 (55). С. 107-111.
2. Величко, В.В. Дистанционный способ торговли в условиях цифровых технологий / Г.В. Величко // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2021. № 1. С. 569-573.
3. Григорян, С.А. Проблемы правового регулирования дистанционной торговли товарами и услугами в период пандемии / С.А. Григорян // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 12 (127). С. 94-96.

ПРАКТИКА УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В РОССИИ И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Тилимова Наталья Алексеевна

студент,

*Средне-Волжский институт ВГУЮ (РПА Минюста РФ),
РФ, г. Саранск*

THE PRACTICE OF PLACEMENT OF CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE IN RUSSIA AND IN FOREIGN COUNTRIES

Natulya Tiliyova

Student,

*Sredne-Volzhsky Institute of Higher Education
(RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation),
Russia, Saransk*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы по практике устройства детей, которые остались без попечения родителей в Российской Федерации, кроме того проводится сравнение анализ данной темы в зарубежных странах.

Abstract. The article deals with topical issues on the practice of placement of children who were left without parental care in the Russian Federation, in addition, a comparison analysis of this topic in foreign countries is carried out.

Ключевые слова: попечительство, семейное право, сироты, семья, родительство, опека, органы опеки.

Keywords: guardianship, family law, orphans, family, parenthood, guardianship, guardianship authorities.

Развитие науки семейного права в современной России остается по прежнему актуальной, хотя изучение таких правовых институтов как брак и семья происходит в России достаточно давно, примерно около двух веков.

При изучении различных источников, можно прийти к выводу, что современные правоведы разделились в своем мнении, одни считают, что отрасль семейного права является самостоятельной отраслью, у которой есть свой предмет и метод правового регулирования, другие же придерживаются того мнения, что семейное право не является самостоятельной отраслью права и не видят необходимости выделять отрасль семейного права как самостоятельную, например Нижник Н.С. [6].

Современный подход в изучении права предполагает, что отрасль права характеризует прежде всего ее предмет и метод правового регулирования.

На наш взгляд, семейное право является самостоятельной отраслью права, которая сочетает в себе, как отмечала Е.С. Мерзлякова частноправовые и публичноправовые начала, при этом допускающей применение норм или общих начал и принципов гражданского права в рамках аналогии закона или аналогии права [8].

В рамках развития науки семейного права, проблема сиротства, является актуальной на протяжении веков. В последние десятилетия особенно остро стоит проблема социального сиротства. Социальное сиротство и борьба с ним порождает ряд дискуссий, различных подходов, создание целых систем социальных учреждений. Но в современной России, главным аргументом того, что указанная тема актуальна, является тот факт, что количество сирот по данным Росстат не уменьшается, а в некоторые годы можно заметить даже их значительный рост. Это является подтверждением того, что проблема сиротства не разрешена, а приобретает все новые, а бы сказала уже глобальные масштабы. Исходя из объема и масштаба указан-

ной проблемы, можно проследить и ее междисциплинарный характер, она требует исследований в области социологии, педагогики, медицины, политологии, экономики, права.

Особенное внимание в данном случае следует уделить именно правовому регулированию социального сиротства. Ведь правильно организованное правовое регулирование в конечном итоге должно стать завершающим этапом ликвидации сиротства и его профилактикой.

Также необходимость исследования по указанной теме обусловлена тем фактором, что сиротство является явлением, отрицательно воздействующем на все сферы жизни общества.

Семейный кодекс РФ содержит целый раздел посвященный формам воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, к которым современный законодатель относит: усыновление (удочерение) детей, опека и попечительство над детьми, приемная семья, устройство детей, оставшихся без попечения родителей, в организации для детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей [1].

Но вместе с тем, Семейный кодекс не содержит конкретных норм, направленных на создание эффективных мер по устройству детей в семью.

А ведь п. 2, ст. 54 указанного закона гласит, что каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье. На наш взгляд возникает пробел в законодательстве, который требует устранения, что приведет к реализации одного из главных прав для детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей, это право жить и воспитываться в семье.

Исходя из вышеизложенного, анализ современного состояния сиротства позволяет сделать вывод о том, что существующее правовое регулирование данного института направлено во многом не на искоренение системы детских учреждений и социальных сирот, а скорее на поддержание и меры социальной поддержки для этих учреждений и их воспитанников.

Если проследить историю развития правового статуса ребенка сироты или ребенка оставшегося без попечения родителей, то несомненно мы приходим к выводу, что современное правовое регулирование направлено на создание всех необходимых условий для развития и воспитания таких детей, а также меры социальной поддержки, но все же вопрос о реализации главного права ребенка на жизнь и воспитание в семье так и остается открытым. Исследованиями в области медицины, психологии, педагогики, уже давно подтверждено, что только в семье, ребенок получает все необходимое для нормального роста, развития и социализации.

Таким образом, п. 2, ст. 54 СК РФ для детей сирот и детей оставшихся без попечения родителей, очень часто приобретает декларативный характер, многие дети до совершеннолетия так и не реализовав свое право остаются в социальных учреждениях для детей сирот.

Если опять обратиться к смежным междисциплинарным исследованиям, то мы можем увидеть неблагоприятную картину: достаточно высокий процент таких детей совершают правонарушения и преступления, в том числе относящиеся к особо тяжким, страдают от алкогольной и наркозависимости, лишаются или ограничиваются в родительских правах по отношению уже к своим детям. Многие из таких детей снова попадают в социальные учреждения для инвалидов где проводят всю жизнь, хотя если проводить аналогию с детьми имеющими серьезные заболевания, но воспитывающимися в семье, такие дети-инвалиды проходят успешную социализацию и при помощи поддержки своих родных устраиваются на работу и становятся полностью самостоятельной частью общества, несмотря на ряд заболеваний. То есть проблема устройства детей сирот в семью является достаточно глобальной, и не реализация такого права для ребенка часто может привести не только к психологическим травмам для него самого, но к отрицательным последствиям для самого общества.

Однако для решения такой глобальной проблемы требуются реально действующие правовые механизмы. Созданные в настоящее время системы реально действующей по предотвращению социального сиротства, как правило полностью поддерживаются волонтерскими движениями и добровольными пожертвованиями. Единой, эффективной государственной правовой системы направленной на предотвращение социального сиротства и прежде всего осуществление и защиту права детей сирот и детей оставшихся без попечения родителей на жизнь и воспитание в семье не существует. Именно на создание эффективных правовых механизмов, направленных на предотвращение сиротства в России направлено

наше исследование. Но особое внимание здесь следует уделить именно истории развития науки семейного права в области защиты прав детей сирот и детей оставшихся без попечения родителей, в том числе сравнительно-правовому анализу института усыновления и других форм устройства детей в семью в зарубежных странах. Следует отметить, что развитие любого общества, на наш взгляд, определяется не только социально-экономическим уровнем жизни, но и отношением к детям, охране их прав, особенно прав детей сирот и детей оставшихся без попечения родителей. В различные периоды истории отношение к детям, в том числе и детям сиротам менялось.

Сиротство остается одной из самых острых научных и социальных проблем. Эта проблема, прежде всего, напрямую связана с уровнем социально-экономического развития страны и уровнем социального воспитания общества в целом.

В настоящее время государство должно проявлять многостороннюю помощь детям, оставшимся без попечения родителей.

Указанная формулировка следует из Конвенции о правах ребенка, в соответствии с которой страны – участники принимают мероприятия для обеспечения охраны детей от всех форм наказания или дискриминации на основе деятельности, статуса, убеждений ребенка или выражаемых взглядов [1].

Страны-участники по-разному создают собственную нормативно-правовую базу в отношении устройства ребенка, оставшегося без попечения родителей. И данное различие зависит, в первую очередь всего, от социального и экономического формирования государства, кроме того от её идеологических направлений.

В России основными формами устройства таких детей, оставшихся без попечения родителей считается опека и попечительство, усыновление (удочерение), приемная семья, а в случаях, установленных законами субъектов Российской Федерации, патронатная семья. Если невозможно отдать детей на воспитание в семью, то такие дети помещаются в различные государственные учреждения, такие как: дом ребенка, детские дома, школы-интернаты, дома для инвалидов. Тип учреждения определяется в зависимости от возраста и состояния здоровья ребенка [4].

Российская Федерация в последнее время все чаще уделяет внимание изучению законодательства других стран в области устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Положительный опыт в решении данной проблемы зарубежными странами может помочь в совершенствовании собственной правовой системы.

В Германии основным источником нормативно-правового регулирования по защите ребенка считается Конституция ФРГ [3]. Охрана прав и свобод ребенка в Германии считается одним из ценностей страны. Однако особенный интерес уделяется охране и помощи детей, оставшихся без попечения родителей и детей-сирот. С этой целью в Германии созданы различные виды комитетов по делам семьи и молодежи, которые содействуют укреплению семейных взаимоотношений. Государственные мероприятия помощи детей, оставшихся без попечения родителей и детей-сирот осуществляются на федеральном, региональном и местном уровнях [1].

В Конституции Германии учитывается равновесие прав родителей и требований к обеспечению благополучия ребенка, при этом права родителей пользуются большим уважением. Решение о лишении родительских прав – серьезное вмешательство в дела семьи, допустимое только в том случае, если после использования всех возможностей сохраняется серьезная угроза безопасности ребенка. В Германии очень трудно лишить родительских прав, а социальные службы готовы долгое время расходовать значительные средства на оказание помощи ребенку, определенному в замещающую семью [2].

Отличие от России состоит в том, что в Германии больше преобладает такая форма устройства детей как опекуновство и попечительство, нежели усыновление, в связи с тем, что это более простой путь, также в данном случае ребенку предоставляется возможность поддерживать связь со своими настоящими родителями.

Таким образом в Германии довольно хорошо развит аппарат устройства детей в семью и социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Также там проводится значительная работа с родителями, прежде чем лишить их родительских прав, и лишь в крайнем случае такая процедура будет проведена.

Огромный опыт в области устройства детей, оставшихся без попечения родителей имеют и США, они занимают лидирующее положение, касающееся института усыновления.

Россия и Америка схожи в стратегии правового регулирования воспитания и устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, если сравнивать работу органов опеки в этих странах. Так, например, финансирование детей-сирот сконцентрировано, по большей части, на местном уровне [3].

В США существуют два варианта жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей.

1. Первым вариантом являются групповые дома – это такие дома, в которых воспитываются дети с различными психическими либо физиологическими отклонениями в развитии.

2. Вторым вариантом – фостерная семья. Можно отметить, что на данный момент в США практически не существует детских домов, так как они не могут наиболее полно воссоздать домашнее воспитание ребенку [1]. Фостерная семья – это форма жизнеустройства ребенка, целью которой является реабилитация и изменение ситуации в биологической семье, а при невозможности улучшения обстановки в семье – передачи ребенка на усыновление. Фостерная семья является альтернативной формой устройства и применяется в тех случаях, когда ребенка невозможно передать на усыновление или под опеку.

Усыновление в США является затруднительной процедурой и на это есть ряд причин. Американское законодательство провозглашает права биологических родителей на своего ребенка. Поэтому усыновить американских детей очень затруднительно, так как в любой момент биологические родители могут одуматься и начать бороться за восстановление их в родительских правах, а вскоре и вовсе вернуть ребенка через суд. В особенности сложно усыновить детей, которые находятся на воспитании в фостерных семьях, ведь обычно туда попадают дети, родители которых не лишены родительских прав [1].

Таким образом, в США основным направлением деятельности государства является предупреждение сиротства, а так же, как в Германии – оказание государственной поддержки детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

В Великобритании, согласно Закону о детях, принятому в 1989 г., только родная семья может предоставить ребенку возможность максимально полного развития и для обеспечения его благосостояния, поэтому признается безусловный приоритет в сохранении родительских прав (родительской ответственности) у кровных родителей [7].

Помещение ребенка в детский дом определяется как крайняя мера для временного или постоянного проживания. Это происходит в том случае, если местным властям стало известно, что родители не в силах справиться с воспитанием ребенка или он подвергается опасности, а ситуация требует незамедлительного вмешательства [5].

В Великобритании поиск опекунов начинается тогда, когда для ребенка не удастся найти защиты у других его родственников. Если суд решит, что ребенку необходима приемная семья, ему начинают искать родителей, а пока идет поиск, дети живут в специальных учреждениях, такие учреждения организованы по типу приюта. Существует и такая практика, когда ребенок, нуждающийся в опеке, берется на выходные дни в семью. Также социальные службы могут вернуть ребенка кровной семье, если сочтут, что обстоятельства, в связи с которыми забрали ребенка, изменились.

Как показывает статистика, в Великобритании примерно 85 % детей после пребывания в фостерной семье возвращаются в родные семьи.

В Финляндии вообще не существует понятия социального сиротства. Сиротой считается несовершеннолетний, у которого нет мамы и папы. Такая процедура, как лишение родительских прав, также не предусмотрена законодательством. Родители, чьи дети изъяты, все равно сохраняют свои права и могут восстановить семью, устранив претензии социальных

служб. В детское учреждение, где максимальное количество мест -24, ребенок попадает не на всю жизнь, а на два-три года в среднем. Закон в Финляндии обязывает социальные службы поддерживать связь между ребенком и родителями [7].

В суде Финляндии уделяется внимание правам и интересам ребенка. Решение об установлении опеки против воли участников процесса, т. е. опекунов ребенка, достигшего 12-летнего возраста, может быть принято только ювенальным судом.

На сегодняшний день в Японии при решении вопроса об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей, предпочтение отдается детским домам, и только потом рассматривается воспитание в приемной семье (фостеринг). Поэтому в Японии каждый год растет количество детей в детских домах. Причем при устройстве детей в детские дома суды практически не принимают никакого участия по сравнению с Англией, где дети передаются на воспитание в детский дом лишь по решению суда. Кроме того, в Японии, как и в Англии, родители могут временно поместить своего ребенка в детский дом, с сохранением родительских прав.

Более 90 % детских домов в Японии работают на частной основе, так как там недостаточно развита система профессиональной социальной работы. Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, возлагается на органы местного самоуправления и на местные волонтерские организации по защите сиротства.

В Японии приемным родителям выплачиваются деньги в зависимости от возраста опекаемого, и полностью компенсируются любые расходы на воспитание и развитие ребенка.

Проанализировав формы устройства детей в различных странах, можно сделать вывод, что, основываясь на многолетнем стремлении сократить количество детей-сирот, все страны пришли к единственному решению – это превентивные меры по предупреждению сиротства, такие как выявление кризисных семей, временное помещение ребенка в замещающую семью, до налаживания ситуации в родной семье, а при невозможности -подбор усыновителей.

Различные страны до последнего стараются сохранить ребенка в кровной семье, и даже при невозможности такого сохранения государственные органы и новая семья способствуют созданию условий, позволяющих ребенку поддерживать общение с биологическими родителями.

На сегодняшний день большинство стран мира стараются отказаться от воспитания детей в институциональных учреждениях и успешный опыт данных стран можно будет в дальнейшем применить в России.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 26.10.2021) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства. – 1996. – № 1. – ст.16
3. Федеральный закон от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства. – 2012. – № 31. – (Часть I). – ст. 7597
4. Нечаева А.М. «Россия и ее дети» (ребенок. Закон, государство)/Москва, 2000 год;
5. Мерзлякова И.С. «К вопросу о несовершенстве семейного законодательства в РФ»// «Государственная власть и местное самоуправление»/2020, №12;

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Шевцова Екатерина Дмитриевна

магистрант,

Южно-Уральский государственный университет,

РФ, г. Челябинск

Аннотация. С ростом преступлений экономической направленности все большую актуальность приобретает вопрос о привлечении специалиста на стадии возбуждения уголовного дела по данным преступлениям, поскольку он обладает необходимыми знаниями и может оказать значительную помощь уполномоченному должностному лицу своевременно и правильно осуществить изъятие необходимых доказательств по делу.

Ключевые слова: экономические преступления, стадия возбуждения уголовного дела, специалист.

В последние десятилетия можно наблюдать значительное развитие экономической сферы жизнедеятельности, что соответственно порождает новые правоотношения, которые в свою очередь выделяют новые виды преступлений экономической направленности. После значительного спада зарегистрированных экономических преступлений с 2010 (276 435 тыс.п.) по 2017 (105 087 тыс.п.) года, уже в 2018 году можно наблюдать резкий скачок 109 463 тысячи зарегистрированных экономических преступлений и прирост данного показателя продолжает увеличиваться, на сентябрь 2022 года он составляет почти 95 тысяч преступлений экономической направленности. Экономическая безопасность Российской Федерации является фундаментом национальной безопасности, пренебрежение данной сферой может привести к катастрофическим последствиям. В своих трудах А.М. Медведев подчеркивал, что «экономические преступления – это общественно опасные деяния, посягающие на экономику как на совокупность производственных (экономических) отношений и причиняющие ей материальный ущерб»[1, с. 81]. В связи, с чем в данной статье будут рассмотрены некоторые проблемные вопросы привлечения специалиста на стадии возбуждения уголовного дела.

Качество собранной на этапе возбуждения уголовного дела информации о совершенном преступлении значительно влияет на дальнейшее расследование уголовного дела. По ряду причин механизм слеодообразования и следы, в дальнейшем направленные на доказывание по уголовному делу об экономическом преступлении имеют свою специфику. Утрата следов и их доказательного значения влечет за собой несвоевременное проведение действий по выявлению и фиксации этих следов.

Решение о возбуждении уголовного дела должно быть правомерным и обоснованным, соответственно лицо уполномоченное принимать данное решение должно обладать не только знаниями в области уголовного и уголовно-процессуального права, но и иных отраслей права регулирующих общественные отношения в сфере экономической деятельности. Соответственно, если уполномоченное лицо не обладает необходимыми специальными знаниями, то в таком случае необходимо привлечь к участию соответствующего специалиста.

Специфика процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела выражена в ограниченности задач, пределов и средств доказывания. Поэтому на первоначальном этапе, зачастую, специалистами выступают финансовый директор или главный бухгалтер со стороны заявителя, но это лишь в случаях, когда в совершение преступления экономической направленности вовлечены индивидуальные предприниматели и юридические лица, либо они являются пострадавшей от экономического преступления стороной. В данной ситуации не стоит забывать, что привлеченные специалисты имеют прямую заинтересованность в решении этого вопроса и вся информация, предоставленная ими должна ставиться под сомнение.

Таким образом, одной из проблем требующей разрешения является отсутствие государственной поддержки по привлечению необходимых специалистов при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по преступлениям экономической направленности. Положительно повлияло бы на выявление и раскрытие преступлений экономической направленности создание государственного института по предоставлению уполномоченным на стадии возбуждения уголовного дела лицам компетентных специалистов в сфере экономической деятельности. Аналогичная практика уже существует, так например, сформирован институт переводчиков, в котором сформирована система участия различных бюро переводов в уголовном судопроизводстве.

Участие специалиста в производстве проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела поможет следователю избежать следующих ошибок:

- неполное истребование всех необходимых документов, подтверждающих событие преступления;
- недополучение полных по содержанию объяснений причастных лиц, которые подтверждаются иными материалами о событии преступления;
- несвоевременное изъятие документов, приводящие к безвозвратной их утрате, а также неправильное процессуальное оформление изъятия документов, денежных средств и иных материальных ценностей, подтверждающих преступную деятельность.

Другой проблемой на стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям экономической направленности является поступивший объем информации, которая в свою очередь, должна быть тщательно проанализирована. Поскольку решение о возбуждении уголовного дела или отказе в возбуждении уголовного дела должно быть обоснованным, т.е. предоставленные фактические данные должны быть очевидными и истинными. Ведь стадия возбуждения уголовного дела по своей сути является неким «фильтром», недопускающим фактов необоснованного уголовного преследования. По этой причине на заявителя возлагается обязанность предоставления необходимых пакетов документов, включая акты ревизии, документальной проверки, сведения о размере причиненного ущерба, а в некоторых случаях и судебного решения об отсутствии в заявлении и представленных материалах гражданско-правового или арбитражного спора хозяйствующих субъектов.

Хотелось бы согласиться с мнением Токарева Е.В. и Тришкиной Е.А., которые в своем исследовании говорят о необходимости получения уполномоченными должностными лицами на стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям экономической направленности от руководителей предприятий, учреждений и организаций правильно оформленные и доброкачественные по своему содержанию, первичные материалы, отвечающие определенным требованиям [2, с. 673]. От качества деятельности по сбору информации о совершенном преступлении, проведенного на этапе возбуждения уголовного дела, зависит возможность полноценного расследования уголовного дела.

Из вышеизложенного целесообразно сделать вывод, что в целях повышения эффективности правоохранительных органов на стадии возбуждения уголовного дела и дальнейшего расследования преступлений экономической направленности возникает необходимость в создании единого государственного реестра специалистов в сфере экономики, которые смогут учесть все особенности при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по преступлениям экономической направленности и оказывать дальнейшую помощь для его эффективного расследования.

По нашему мнению, для решения проблемы изучения значительного объема информации было бы целесообразно внедрить в правоохранительные органы использование современных информационно-аналитических технологий, которые позволили бы более оперативно и тщательно изучить весомые объемы информации предоставленные на стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям экономической направленности.

Список литературы:

1. Медведев А.М. Экономические преступления: понятие и система// Современное государство и право. 1992. №1. С. 81.
2. Тришкина Е.А., Токарев Е.В. Особенности возбуждения уголовных дел и обстоятельства, подлежащие доказыванию по преступлениям о присвоении и растрате // Современные проблемы науки и образования. 2015. №2. С. 673.
3. Юрин В.М. Проблемы возбуждения уголовных дел экономической направленности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. Т.13. №4-2. С. 712.
4. Бертовский Л.В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: дис. док. юрид. наук / Л.В. Бертовский. М., 2005. С. 523.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТНИКА ЗА УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ РАБОТОДАТЕЛЮ, В УСЛОВИЯХ КОНЦЕПЦИИ «ИНДУСТРИЯ 4.0»: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Яковлева Татьяна Юрьевна

магистрант,

Астраханский государственный

университет им.В.Н. Татищева,

РФ, г. Астрахань

Концепция «Индустрия 4.0», не что иное, как четвертая промышленная революция, характеризуется принципиально новым подходом к производству, предполагающим глобальную автоматизацию многих бизнес-процессов. Речь идет уже не только об освобождении человека от физической работы, но и замене интеллектуальной деятельности. Термин Индустрия 4.0 ввел бессменный лидер Международного экономического форума в Давосе, профессор К. Шваб, определив несколько драйверов грядущих изменений, среди которых «Интернет вещей», робототехника, искусственный интеллект [9, с. 138].

Уровень готовности к четвертой промышленной революции различных стран существенно отличается, и, к сожалению, надо признать, что Россия крайне далека от лидирующих позиций [7]. Но это не значит, что мы сможем остановить начавшийся процесс трансформации всего общества. Какова роль права в текущих изменениях в целом, и какова роль трудового права в частности?

Как известно право очень консервативно и скорее работает на отражение реальности, чем на опережение, на регулирование уже сформированных общественных отношений, реже – на их создание. Социально-экономическая природа норм трудового права не может не зависеть от происходящих трансформаций. В классическом субъектном составе – работник – работодатель – появляются новые элементы: роботы, компьютерные программы, наделенные искусственным интеллектом, которые заменяют работников в привычном для нас понимании. Преимущества использования технологий неоспоримо: боту не надо платить заработную плату, переживать по поводу соблюдения норм охраны труда, программа не уйдет на больничный или в отпуск по беременности и родам, скорость и точность выполнения транзакций несоизмеримо больше.

Применительно к рассматриваемому институту материальной ответственности работника в контексте промышленной революции, возникает несколько проблемных вопросов.

Первое, могут ли компьютерные программы, работы, «умные» вещи, заменившие работника-человека, быть полноценным субъектом трудового права. На сегодняшний день существует несколько концепций. Согласно первой концепции роботы должны быть полноценными субъектами права как физические лица, что очень спорно с позиции деликтоспособности. Материальная ответственность предполагает возмещение ущерба или в денежной форме, или в предоставлении равноценного имущества, а для этого робот должен быть наделен собственностью, что, конечно, за пределами трудового права. Также одним из элементов наступления ответственности является вина, а вина – это психическое отношение работника к совершенному правонарушению. Более того, некоторые авторы рассматривают цель материальной ответственности работника как воспитательно-дисциплинирующую [8, с.147]. На сегодняшний день, крайне рано говорить о том, что робот может испытывать эмоции, демонстрировать – да (например, робот София), испытывать – нет. Остальные концепции можно объединить в одну – это придание роботам особого статуса, не известного на сегодняшний день законодательству: электронного лица, робота-агента и пр. На взгляд автора, об этом говорить пока рано, все-таки какой бы условной автономностью не обладали вещи, наделенные искусственным интеллектом, как бы они не замещали людей на рабочих местах, они все лишь результат интеллектуальной деятельности человека и поэтому – объект права, а не его субъект.

А коль скоро роботы или компьютерные программы объекты права, то вопросы возмещения причиненного ущерба лежат в плоскости гражданского права, а не трудового. Но ущерб может быть причинен и в результате нарушения правил использования технологий работником-человеком. И отсюда следует второй существенный проблемный вопрос: полная материальная ответственность возможна только при наличии договора о полной индивидуальной материальной ответственности, а договор, в свою очередь, заключается только с работниками, должности которых включены в Перечень категорий работников, с которыми могут заключаться указанные договоры. Перечни должностей и работ исчерпывающие и расширительному толкованию не подлежат. Однако эти перечни безнадежно устарели. В частности, в перечнях нет должностей в сфере IT-технологий. Можно предположить, что Перечни должностей и работ отражают требование Трудового кодекса России о том, что письменный договор о полной материальной ответственности (индивидуальной или коллективной) заключается с работниками, непосредственно обслуживающими или использующими денежные или товарные ценности и иное имущество. Программное обеспечение – это тоже ценность и имущество работодателя. Например, ошибка в коде программы привела в 1996 году к взрыву ракеты-носителя «Ариан-5» на 40-й секунде полета и стоила по примерным подсчетам 360 – 500 миллионов долларов и до сих пор считается самой дорогостоящей [5].

С проблемой возмещения реального ущерба работодатель сталкивается и при использовании новых форм труда. Например, дистанционная работа предполагает обязанность работодателя обеспечивать дистанционного работника необходимыми для выполнения им трудовой функции оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами (статья 312.6 Трудового кодекса РФ), то есть этим работникам вверяется имущество, и они становятся работниками, непосредственно использующими это имущество вне непосредственного контроля со стороны работодателя. Как правило, виды работ, осуществляемых на «удаленке» не входят в Перечни категорий работников, с которыми могут заключаться договоры о полной индивидуальной или коллективной ответственности, и, следовательно, по общему правилу работники в случае порчи или утраты вверенного оборудования не несут материальной ответственности. Некоторые авторы категоричны в своих суждениях и считают, что этот вопрос необходимо регулировать только договором о полной индивидуальной материальной ответственности [6, с.40].

Также считается, что не удастся вменить работнику на удаленке материальную ответственность и в случае передачи ему имущества по разовому документу, так как обеспечить надлежащие условия для хранения имущества, вверенного работнику, работодатель в такой ситуации не в состоянии [3, с. 20].

Поэтому работодатели стремятся минимизировать свои риски, придумывая разные формы договоров, не предусмотренных трудовым законодательством, но допустимым в рамках гражданского законодательства. Так, например, один из российских банков заключает с работниками, не входящими в Перечень индивидуальные договоры об ответственности за сохранность вверенного им на период дистанционной работы оборудования. Ответственность предусмотрена за невозврат оборудования или возврат в неисправном состоянии, договор определяет правила исчисления размера ущерба, основания снижения размера ущерба и иные условия. Такой договор не является договором о полной материальной ответственности, работники не являются материально ответственными лицами, но предоставляет возможность работодателю защитить свои имущественные права. Все больше работодателей практикует «прием на работу» самозанятых и введение системы штрафов в качестве компенсации нанесенного материального ущерба. При такой конструкции работники фактически бесправны и размеры штрафов граничат с размером заработка. Только практика покажет жизнеспособность таких форматов.

В заключении можно сделать вывод, что перед правом в целом и трудовым правом, в частности, встает задача осмысления текущих изменений, которые несет за собой четвертая промышленная революция. Концепция «Индустрия 4.0» предполагает не только принципиально новый подход к производству, в основе которого лежит внедрение информационных

технологий и распространение искусственного интеллекта, использование «труда» роботов и «умных» вещей, но существенное изменение правовых норм, регулирующих взаимоотношения работодателя и работника. Институт материальной ответственности работника за ущерб, причиненный работодателю, на сегодняшний день не в полной мере отражает новые тренды цифровой экономики, цель его существования в защите имущественных прав работодателя и работника в существующем формате практически нивелирована.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // Первоначальный текст документа опубликован в Собрании законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. Постановление Минтруда РФ от 31.12.2002 № 85 «Об утверждении перечней должностей и работ, замещаемых или выполняемых работниками, с которыми работодатель может заключать письменные договоры о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности, а также типовых форм договоров о полной материальной ответственности» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 03.02.2003 № 4171) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2003. – № 12.
3. Катаева Н.Н. Компенсируем расходы работника на удаленке: оформление и учет // Главная книга. – 2020. – № 18. С. 20 – 26.
4. Кирина А. Ошибка программиста и IT... Как проходят споры // Трудовое право. 2022. № 1. С. 37 – 44.
5. Лескина Э.И. Искусственный интеллект в сфере труда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyu-intellekt-v-sfere-truda> (дата обращения: 01.12.2022)
6. Миронов В.И., Новикова М.В. Дистанционная работа как явление на российском рынке труда: дифференциация и дискриминация // Трудовое право в России и за рубежом. – 2019. – № 1. С. 38 – 42.
7. Соколов Д. Индустрия 4.0: Big Data, цифровизация и рост экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<http://habr.com/ru/post/507822>. (дата обращения: 01.12.2022).
8. Трудовое право: учеб. пособие / Л.И. Филющенко, И.Н. Плешакова; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 204 с.
9. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб – «Эксмо», 2016 – (Top Business Awards). 138 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 42 (1)
Январь 2022 г.

Часть 3

В авторской редакции

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 66232 от 01.07.2016

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74

E-mail: studjournal@nauchforum.ru

16+

